

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Мария Арбатова
**СТЕКЛЯННЫЙ
ЗАНАВЕС**

Мария Арбатова. Время жизни

Мария Арбатова
Стеклянный занавес

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Арбатова М. И.

Стеклянный занавес / М. И. Арбатова — «Эксмо»,
2024 — (Мария Арбатова. Время жизни)

ISBN 978-5-04-196660-7

«Стеклянный занавес» – заключительная часть романа «Берёзовая роща», главная героиня которого Валентина Лебедева, провинциальная массажистка с талантом целительницы, оказывается самой рейтинговой телеведущей страны. Действие происходит в 1996 году, Россия бурлит в преддверии выборов президента, и на население впервые обрушиваются чёрные политтехнологии. Из-за мошеннически сделанной рекламы воды Валентина готова уйти с телевидения. Однако продюсер Ада Рудольф отправляет её «остыть» в представительских вояжах в Швецию и Данию, что помогает Валентине новыми глазами увидеть и себя, и свою страну. На приёме у датской королевы Маргрете Второй Валентина знакомится с целительницей из Боливии, и та проводит ей ритуал очищения. Вернувшись домой, Валентина становится жертвой грязных публикаций по поводу её отношений с депутатом Горяевым, входящим в ближний круг Ельцина. Но новая страница в связи с выборами президента открывается не только для всей России, но и для семьи Валентины: влюбляется и она, и её приёмная дочь Вика...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-196660-7

© Арбатова М. И., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

Часть третья	7
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Мария Арбатова

Стеклянный занавес

© Арбатова М., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

*Стекло – есть вещество неопределённого химического состава и не
может быть выражено химической формулой.*

Менделеев Д. И.

Посвящается Олегу Вите...
От автора

Часть третья

Стеклянный занавес

Вале казалось, что продажа квартиры её детства, пропитанной страхом и унижением, будет умело поставленной точкой на пережитом в родном городке. Но копеечная – по московским меркам – сделка вытащила на свет такие больные вещи, что сбила с ног.

Пришлось узнать, что барак Валиного детства на улице Каменоломке сожгли, кладбище с могилой бабушки распахали, а деревня Берёзовая роща вымерла. Да ещё и мать проговорила по телефону, что пошла за отца, чтоб «прикрыть стыд». И Валя не плод короткой родительской страсти, а результат спланированного изнасилования.

До кучи несогласованный рекламный ролик. Чёрт Валю дёрнул рассказать Смитихе об эпизоде в фильме «Лесной богатырь», на съёмки которого попала с Лебедевым. Как сказала бы бабушка, «приехала в обозе».

Валя и сейчас не любила себя на экране, казалась тяжёлой, неповоротливой, не понимала, что в ней нашли Катя, Ада Рудольф и телезрители. А в начале рекламного ролика, выдранного из фильма «Лесной богатырь», она, перепуганная массажистка, и вовсе стояла столбом в похабном кокошнике, набирая воду из колодца.

В телевизионной логике Валя «поднялась» до «лица воды», а в собственных глазах была гнусно использованной и глубоко опозоренной. Как говорила бабушка, «не бойся суда, а бойся стыда».

И перечисленное, в котором подлое прошлое подмигивало подлому настоящему, опустошило и загнало Валю в такой депрессняк, что она не знала, к кому кинуться.

Но Вика приходила из ВГИКа за полночь, мать жила на другой ступеньке пирамиды Маслоу, Соня была далеко, Юлия Измайловна не различала таких сложных красок. Горяев снова исчез, а сотовый Льва Андроновича не отвечал.

Хотелось побыстрее начать приём больных в Центре «Валентина». Там Валя хотя бы понимала, кто она и зачем родилась на свет. Так что велела Маргарите обзвонить записавшихся.

Но в первый же день приёма на сотовый позвонила Ада Рудольф:

– Заскочи, Лебёдка, в Останкино. Надо нетелефонно побазарить.

– В шесть, – сухо ответила Валя и отключила сотовый, чего раньше себе с Адой не позволяла.

Не терпелось устроить разборку по поводу рекламы воды «Лесной источник», которую не показывали в Москве, и Ада не подозревала, что это позорище обрушилось на Валю в поездке.

Принимая последнего пациента, подкрашиваясь, сидя в такси в сторону телецентра, Валя прикидывала, как объявить об уходе с передачи, чтоб не навредить Вике. Ведь Ада могла так же легко дёрнуть за ниточку отчисления Вики из ВГИКа, как легко дёрнула за ниточку её блатного зачисления.

Думала-думала, ничего не придумала, решила пустить дело на самотёк.

В кабинете кроме Ады застала только Ларису Смит. Она всё ещё ходила в образе почвенно-ряженой с модно привязанной косой и перестала прикладывать по два пальца к каждому уху, обозначая западные кавычки, без чего прежде не могла построить ни одной фразы.

– Как Горяев? – заботливо спросила Ада вместо приветствия.

– Устаёт, – сдержанно ответила Валя его формулировкой.

– Слышала, что Лебедь и Жирик как бы готовы заключить союз в помощь Зюганову?

– Нет, – ещё сдержанней ответила Валя.

– А видела, Лебёдка, какими листовками накрыл город Явлинский? Там объявление о поиске кандидата на роль президента РФ с высшим экономическим образованием без «вредных привычек». И ни слова о вредной привычке удалять запойные мешки под каждые выборы!

– И что? – раздражаясь, спросила Валя.

– В этих листовках девять клеток кроссворда, куда вписывается его фамилия! Народ пишет в эти клеточки «Козлодоев»! – хохотнула Ада.

– Вызвала меня обсудить листовку Явлинского? – Валя изо всех сил сдерживалась.

– Вызвала обсудить доверенное лицо Ельцина, которое мы подогнали к новой передаче. Елену Голубеву! Это просто конфетка с шоколадкой! Лариска в ногах валялась, пока уговорила!

И Лариса Смит угодливо закивала. Валя нахмурила брови, пытаясь вспомнить, кто это.

– Из питерского заплыва во власть, – подсказала Ада. – Ректорша какого-то университета – теперь же каждое ПТУ стало академией.

– Сценарий готов? – спросила Валя, оттягивая вопрос о рекламе.

– Океюшки, завтра будет, – снова закивала Смитиха.

– Лариска пытается реабилитироваться после передачи про СПИД в Уганде. Надеется, что нас извлекут из-под обломков. – Ада захрустела фольгой. – Съёмка с Голубевой послезавтра. Шоколадку будешь?

– Нет.

– И правильно! Пять минут во рту, десять лет на талии. Забодали выборами! Думают, если меня приложить к дырочке, надую рейтинг Ельцина, как воздушный шар! Они весь срок сдували, а я за пару месяцев надую! – пожаловалась Ада, отгрызая шоколад от плитки. – Лично мне победа Зюганова до фонаря, это твой Горяев встретится с корешами на лесоповале. И их задача сейчас платить и платить, а не будить во мне романтическую любовь к демократии.

– Скажешь это ему сама, – холодно ответила Валя.

– А ещё, Лебёдка, Ельцин предложил Грише снять кандидатуру. А Гриша ему: «Гони за это двухпартийное правительство из кремлёвских и яблочных, а меня – в премьеры!» У страны «реша судьбается», а он про себя любимого!

– Значит, всё-таки у страны решается, а не только у Горяева. Значит, и у тебя, и у меня, и даже у Ларисы? – с нажимом спросила Валя.

– У меня всё решилось, только хочется жить с комфортом, – не к месту пожаловалась Лариса. – Не с парковкой, а с подземным гаражом. Не с цветочными горшками, а с зимним садом...

– С какой парковкой? С каким зимним садом? – не выдержала Валя. – В провинции людям жрать нечего!

– Я свой зимний сад ни у кого не украла! – вдруг прорвало Ларису. – До Америки аспиранткой торговала проездными билетами! Искала место, где трамвайные пассажиры смешиваются с метровскими! Дралась с торговками семечками за полметра земли! Заглядывала прохожим в глаза, как проститутка, чтоб купили!

– Прекратите этот театр кишок, – поморщилась Ада.

– И я это делала много лет тому назад! До Америки, до ублюдка Смита, которого терпела, чтоб поднять детей! А эти тётки из провинции ждут, что им всё принесут на блюдечке с голубой каёмочкой! – Лариса покраснелась, и бумаги в её руках мелко дрожали.

– Негде им проездные билеты продавать, – напомнила Валя. – Там ходят пешком.

– Так пусть двигают поршнями. Пусть картошку сажают, валенки валяют. Почему у меня должно быть чувство вины за то, что они так и не проснулись? – Валя не ожидала от Ларисы такой экспрессии, видимо, попала в больное место.

– Чувство вины должно быть за то, что вы окопались на телевизионной раздаче и оболваниваете их! – повысила голос Валя.

– И ты как бы наш лучший инструмент для этого, – подлила Ада масла в огонь.

– Ошибаешься! – заорала Валя, отпустив тормоза. – Знаешь, как наркоманам очищают кровь? Прогоняют через угольный фильтр! И я – угольный фильтр, очищающий передачу от вашей заразы!

– Звёздная болезнь принимает тяжёлые формы, – покачала головой Ада. – Но ты ещё не звезда. Ты ещё искра, из которой в моих мохнатых лапах возгорится пламя.

– А я, простофиля, как увидела рекламу воды, решила, что звезда, – ответила Валя как можно спокойней.

Повисла оглушительная пауза.

– Где ж ты её увидела? – спросила Ада, слегка подобравшись, и стала то ли объяснять, то ли оправдываться: – Я и сама не поняла, чего они с региональных каналов начали? И как тебе?

– Ужасней только реклама тампакса в критические дни, – ответила Валя, стараясь выглядеть равнодушной.

– А так и задумано, Лебёдка, чтоб ты выглядела своей, ближе к народу. Типа на дорогую рекламу у нас денег нет, – закивала Ада. – Но пипл хаваает!

– Пипл хаваает, а я не схаваю, – объявила Валя, аккуратно подбирая слова. – Надеюсь, до съёмки с Голубевой реклама будет ликвидирована.

– Да разве ж это реклама? Это как бы пробник. Можно сказать, пилот ролика. Ещё сто раз переделаем, – начала Ада наводить тень на плетень, словно Валя вчера приехала из деревни и ей можно вешать лапшу на уши.

– Мой юрист готов с тобой встретиться, – рявкнула Валя.

– Какой такой юрист? – подняла Ада модно выщипанную бровь, а Лариса вжалась в спинку кресла.

– Который предложил подать в суд, сделать пресс-конференцию и валить на другой канал, – озвучила Валя придуманную Викой конструкцию.

Получилось убедительно. Повисла новая оглушительная пауза. Ада, забыв о калориях, озлобленно дожевала шоколадку, скатала фольгу в шарик и швырнула в мусорную корзину. Прوماхнулась, выматерилась. Лариса вспорхнула, подняла шарик и услужливо донесла до цели.

– Гони своего юриста в шею, – наконец ответила Ада, покопалась в столе, протянула бумагу на бланке адвокатской конторы и ткнула пальцем: – Тут и тут читай!

В выделенных местах было написано, что фильм «Лесной богатырь», откуда взяты кадры для рекламы, снят до принятия соответствующего закона и кадры не требуют никакой оплаты. А кадры из передачи «Берёзовая роща», где Валя пьёт воду в студии, принадлежат Аде, поскольку ей принадлежит вся передача.

– Ты, Лебёдка, решений про другой канал пока не принимай, – заторопилась Ада. – Конечно, я – сука, держала тебя на хлебе и воде, но со следующего месяца подниму зарплату. Сговоримся – дальше поедом. Нет – разойдёмся и при встрече будем харкать друг другу в рожу. Идёт?

– Идёт, – сказала Валя, чтобы хоть чем-то закончить встречу, встала и вышла.

Прочитанная бумага была ударом под дых, Валя не могла справиться с собой. Не поехала на лифте, а медленно побрела вниз по неметёной останкинской лестнице. В лифте пришлось бы здороваться, улыбаться.

Получалось, что по закону Валу можно использовать для чего угодно. Например, для рекламы Жириновского. Нарезать кусочками, вставить в его ролик, и ни один суд не возразит, раз хозяйка передачи Ада.

И Валя принадлежит ей, как кукла Карабасу Барабасичу. Она смутно догадывалась об этом, но рассчитывала научиться переигрывать Аду. А рекламный ролик воды показал, что пространства для переигрывания не существует юридически.

Опустив голову, Валя пробежала сквозь охочую до автографов толпу перед охраной и, почти хлюпая носом, набрала сотовый Горяева:

– Я в Останкино. Пришли Славу к центральному входу.

– Уже едет, – ответил Горяев, испугавшись её тона.

Слава привёз Валью к металлической двери помпезного дома.

– Типа закрытый фитнес-клуб, – объяснил Слава, когда вышли из машины.

– А что это? – удивилась Валя.

– «Качалка» для богатых. – Слава набрал код на металлической двери и распахнул перед Вальей дверь.

По телевизору показывали «качалки»: это были обшарпанные подвалы с обилием гирь, штанг и самопальных спортивных снарядов. Показывали и их крепких посетителей, качающих мышцы для применения на стрелках, тёрках и разборках.

Но здесь коридор был со вкусом отделан цветным пластиком, а туфли тонули в уютном ковре. Дежурно улыбающаяся девушка провела Валью в маленький зал, где Горяев вышагивал в спортивном костюме по тренажёру с движущейся дорожкой, а рядом стояла девушка в чёрном обтягивающем купальнике.

– Не целуй, я потный, – сказал Горяев так, что девушка в спортивном купальнике смутилась.

– Виктор Миронович, пожалуйста, не как в прошлый раз. И зайдите померить давление, – попросила она и вышла из зала.

– Интересная у здешних медсестёр форма, – заметила Валя.

– Медсестра мне пока не требуется, а это инструкторша по фитнесу. Велели так тренировать сердце, – улыбнулся он.

– Для сердца нет ничего глупее тренажёра в зале с мёртвым воздухом. – Валя кивнула на загороженные окна.

– Тут, ласточка моя, дорожные кондиционеры.

– Чем дороже кондиционер, тем в воздухе меньше отрицательно заряженных ионов, и в фильтрах быстрее накапливается токсическая плесень, – процитировала Валя Льва Андроновича, хотя могла сказать и своими словами. – А токсическая плесень в лёгких ведёт к аллергиям, хронической усталости и онкологии.

– К передаче про кондиционеры готовишься? – усмехнулся Горяев.

– Идея хорошая. Только, как говорит Ада, «за неё никто не заплатит». Шагать надо на даче.

– На дачу некогда даже с тобой!

Валя снова улыбнулась про себя; прослушки в подобных местах стоят даже в туалете. Хвастает, какой он ещё орёл.

– Ада хочет, чтоб я вела передачу с какой-то Голубевой, – начала она.

– Голубева – самая вменяемая из доверенных лиц. – Он шагал и шагал по движущейся дорожке, вытирая салфетками лоб.

На полу возле дорожки зазвонил сотовый, Горяев потянулся за ним:

– Здравствуйте! Зачем вам моё мнение, если всё решает союз напуганных олигархов?

Положил сотовый рядом с дорожкой.

– Берёза звонил. Хочет на кого-то повесить свои недоделки. Думает, наступлю на те же грабли. Грабли, конечно, разного цвета, но и я не дальтоник, – сказал он, глядя перед собой. – Что пришла? Неужели соскучилась?

– Ты с ним так коротко?

– Берёза человек без церемоний, только король неточности. Как ни договаривайся, вовремя на встречу не придёт. Говорит, это часть маскировки, его же два года назад взрывали на Тверской. Водителя в куски разорвало, и куски на него посыпались...

– Кто взрывал? – спросила Валя, чтоб потянуть время.

– Считается, что ореховский Сильвестр. Ответочку послали, Сильвестра в том же году в машине взорвали. Кстати, спрашивал, почему «Берёзовая роща» не на его телеканале? Было б складно.

– Легко с ним делать дела?

– Он хотя бы честно признаётся: работаю только на одного человека, меня интересует только его мнение.

Обсуждать рекламу воды стоило в машине, Виктор предупреждал, что машину проверяют на предмет жучков.

Валя присела на скамейку, почему-то вспомнила, как впервые увидела Горяева, когда вызвали сделать массаж министру. Как влюбилась с первого взгляда. Как потом потеряла его на девять лет и как случайно нашла в этом самом распроклятом Останкино, опозорившим нынче её на всю страну.

В воспоминания резко вонзилась мысль, что делит его в постели с женой. Зачем она спросила об этом? Зачем он ответил правду? Ведь до этого всё было хорошо...

– С выборами полная засада. – Горяев ускорил шаг на дорожке. – Политтехнологи боятся думать. «Голосуй или проиграешь» – перевёрнутый слоган компании Клинтона «выбирай или проиграешь». Теперь они его перекроили на «Голосуй, и ты победишь!». Хотят жить и работать по кальке, чтоб и ответственность была на кальке.

– Других политтехнологов нет?

– Откуда, если в стране семьдесят лет не было выборов? Когда выиграем, о нас напишут учебники, потому что при нынешних рейтингах это нереально. Но мы клали на мировой политтехнический опыт с прибором. Мы вместо этого купили за две копейки Лебеда.

– Ада сказала, что он с Жириком создаёт союз за Зюганова.

– Уже переиграли. Один парень с исторической фамилией Вите придумал сценарий получше.

– Олег Вите? Он Вике в Питере мозги вправлял, и Ада ездит к нему спрашивать, что происходит в стране.

– Олег Вите работает в Волынском в группе Сатарова, а тому надо чем-то прикрыть свою лажу с двухпартийной подушкой из нас и Рыбкина на выборах в Думу, – стал разъяснять Горяев. – Когда Сатаров принёс сценарий Вите, что Лебедь сдаёт голоса Ельцину и получает должность, все плевались. Зачем нам Лебедь с его шутками поручика Ржевского? Потом поняли, что это гениально.

– Лебедь грубый, но жена у него симпатичная, – зачем-то добавила Валя.

– Он и шутит, что настоящая семья – это когда муж храпит, а жена – глухая. Дали Олегу Вите за эту идею премию аж три тыщи рублей, при том что на выборах деньги воруют вагонами.

– Дайте больше, – возмутилась Валя, – Аде тоже не стыдно меня обворовывать.

Но Горяев словно не расслышал, сошёл с дорожки и стал лупить красную боксёрскую грушу. Красивый, потный, отлично сложенный. Ещё и хвастал как мальчишка:

– Смотри, вот стойка для рукопашного боя. Бью правой от плеча – левая закрывает челюсть и сердце, потом бью левой в ту же точку – правая закрывает челюсть и печень. Лоб должен торчать вперед. Носом или глазами чужой кулак поймал – тебя вырубил.

– Драку с Зюгановым репетируешь? – улыбнулась Валя.

– С Зюгановым не дерёмся, он пустой, страну не потянет. Просто в России свободу традиционно насаждают насильно, как картошку при Екатерине и кофий при Петре. Подождёшь, пока я в душ?

Встречавшая Валу девушка повела её в холл и заварила травяной чай. Валя чувствовала спиной, как девушка перемигнулась с инструкторшей в чёрном купальнике, мол, известная телеведущая, а таскается за любовником, стыд потеряла. Но было наплевать.

Вспомнила, что раньше неделями ждала звонка Горяева, срывалась как сумасшедшая, не по разу пролистывала в памяти последнюю встречу, эпизод за эпизодом. А теперь сама звонит, когда надо. И он уступает, хотя ему не до встреч.

В машине Горяев предупредил, что спешит на совещание, но завезёт Валю домой.

– Ездил квартиру продать в родном городке, – начала она.

– Зря, недвижимость – лучшее место для вложения денег.

– Ты ещё, как Ада, посоветуй купить туалет в парке!

– Туалет в парке? Очень остроумно!

– А отмену смертной казни вы по-честному приняли?

– Горжусь, что продавили и перестали быть людоедами.

– Послушай, – перешла Валя к главному, – Ада взяла эпизод, где я снялась с Лебедевым в фильме-сказке, приклеила к нему кусок из студии, где пью воду, и гоняет это как рекламный ролик. Показала бумагу, что моего согласия не требуется, денег не полагается и запретить это я не могу!

– За рекламу не полагается денег? – усомнился он.

– Потому что я – крепостная, целиком ей принадлежу! И должна после этого вести передачу с твоей Голубевой!

– Голубева нужна срочно. Это выборы. «Всё для фронта, всё для победы!» – ответил Горяев. – Сколько стоит ролик? Сам заплачу сколько скажешь.

– Мне ни твоих, ни Адиных денег не надо! Я хочу чувствовать себя человеком, а не половой тряпкой! – обиделась Валя.

– Рудольф – рысь тренированная, разберусь с ней потом. Но программа с Голубевой должна выйти. Пойми, раньше таких выборов не было, не привлекались такие деньги и такие чёрные технологии.

– Твой Олег Вите Вике говорил, телик только инструмент, подумай, что именно хочешь делать этим инструментом. Я была в передаче голосом простых людей и, когда они мне поверили, стала инструментом втюхивания воды. Сам знаешь, всю эту воду льют из одного крана.

– Реклама – работа звёзд.

– Ты как глухой... – вздохнула Валя.

– Глухой до конца выборов. И мне это так же тяжело, как тебе, – ответил Горяев и зарылся лицом в её волосы.

Валя не преувеличивала собственной роли в батальном полотне выборов президента, но ведь ехала к Виктору если не за защитой, то хотя бы за утешением. Она обиделась и молчала до конца маршрута.

Дома встретил радостно гавкающий Шарик с новым бантом, Вика рано вернулась из ВГИКа и плескалась в ванной, а мать прилипла в большой комнате к телевизору.

– Борщ на плите, макароны по-флотски и компот, – не поворачиваясь, бросила мать. – Слышь, доча, наши взяли Бамут и Лысую гору!

Валя сняла со стула Викин рюкзак, чтобы присесть к телевизору, но молния на нём была расстегнута, и оттуда тревожно белело что-то незнакомое. Лазить по чужим рюкзакам нельзя, но белый материал сигнализировал об опасности.

Поборовшись с собой, Валя вышла с рюкзаком в кухню, чтоб не видела мать. Белым оказался медицинский халат с невышитыми нитками мулине инициалами «М.С.». Было трогательно, что Вика кривовато вышивает инициалы на отцовском халате, не попросив мать, которая бы всяко сделала это лучше.

– Урою Адку за рекламу? – спросила Вика перед сном.

– Она показала бумагу, что всё по закону. И на следующую съёмку я не могу не выйти – Виктор просил.

– Попадаलोво, – присвистнула Вика. – Но если тебя так штырит реклама, давай метнёмся на другой канал. Адка тут же по...рит рекламу «Лесного источника». На фиг ей пиарить звезду с чужого канала?

– Виктор решит, что я дезертировала с выборов. Виделись сегодня. Сам никакой, ведёт себя будто я его секретарша, – пожаловалась Валя.

– Да всё у вас путём, просто сейчас без рок-н-ролла. Сейчас время патроны подносить, – успокоила Вика. – Риелторша Дина звонила, завтра смотрим новую квартиру. В двух шагах от Кремля!

– В двух шагах? У нас на такую денег не хватит, – ответила Валя, но услышала, что Вика уже мирно сопит.

Утром разбудил звонок Кати:

– Опять ты, Валь, выделяешься?

– А ты в курсе рекламы воды? – спросила Валя.

– Видела, что лепили. Но пальцы не гни, это твоя первая реклама. Слава богу, не слаботельное.

– И ничего, что её крутят по регионам, не согласовав со мной?

– Адка в своем репертуаре! – охнула Катя. – Велела тебя пугнуть, что передача с Голубевой проплачена, эфир прямой, дублёрша твоя не справится. Выход только взять Таньку Колышкину.

– Колышкину? – переспросила Валя. – Она ж не просыхает!

– Итак, она звалась Татьяна, но на работе вечно пьяна. Колышкина, Валь, профессионал – приходит бухая, кажется, ложкой не соберёшь, а потом встаёт и чешет по телесуфлеру без запинки.

– У неё лицо стёртое ластиком.

– Зато она живёт с кем надо.

– И ребёнок от него?

– Ребёнок в основном от другого. Короче, на съёмку не выходишь?

– Выхожу, Виктор просил. Но почему сценарий опять пишет Смитиха, а не ты?

– Я в зарплате не теряю, но тоже хочу понять, что такого в этой американской рептилии? Тем более её передача про СПИД в Уганде так провалилась.

Квартира неподалёку от Кремля, куда после работы привела Валю с Викой нехорошо похудевшая риелторша Дина, ужасала. Пристойный подъезд перетекал во что-то запущенное пятикомнатное.

Стены коридора были не просто грязными, а жирными и липкими от грязи. Казалось, этой жирной грязью пропитан сам воздух квартиры.

Две первые комнаты занимали мама с дочкой и ухоженным котом в ошейнике с блёстками. И было неясно, как все трое выходят из комнат в коридор, по которому надо летать, не касаясь стен и пола.

– Ой, Валентина! Так не бывает! Слава богу, я покрашена на всякий случай! Тащи фотоаппарат! – скомандовала мама дочке.

И после фотосессии с котом и дочкой стала показывать квартиру:

– Комнату старика открою. У сына живёт, ему метров не надо. Только деньги.

Над продавленным диваном в комнате старика висело красное знамя, покрытое коллекцией советских значков. На столе стоял синий стеклянный графин сталинских времён и такая же ваза для фруктов.

– Ещё в двух комнатах парень живёт. Привёл недавно девицу, – прокомментировала мать. – По ней видно, что сделала десять тысяч аборт! Да ещё и не вытирает за собой пол в ванной!

Валя, Вика и риелторша Дина переглянулись. В контексте санитарных норм, принятых в квартире, оборот «не вытирает пол» звучал неожиданно.

Парень с девицей ждали гостей и жарили на кухне «ножки Буша». Стоя у грязнейшей плиты, вертели их ножами на двух сковородках, а в промежутках целовались. И с потолка на эту идиллию свешивались грозди мохеровой от пыли паутины, готовой рухнуть в любую секунду.

– Покупайте, не пожалеете! – гаркнул парень. – Вид из окон – хоть на открытки!

– Если их вымыть хоть раз в жизни, – обронила Вика.

Обе его комнаты были забиты запчастями от мотоциклов и завешаны плакатами с рок-звёздами. И тоже, казалось, никак не связаны с грязнущими коридором и кухней.

– Заходи – не бойся, выходи – не плачь, – комментировал парень.

– Цена по сравнению с метражом мизерная. И потолки, – шептала риелторша Дина. – Уже не говорю про место.

– Нам, потомственным москвичам, элитное жильё теперь не по карману, – пожаловалась мать. – Сами понимаете, это новое время! Они у нас всё отняли!

– Что у вас отняли? – не выдержала Валя. – Ведро и тряпку у вас отняли?

– В наших комнатах чистенько, – растерялась мать. – А остальное – ничьё!

– Бригаду украинок позову, за сутки отдраят, – предложила Дина, когда вышли во двор и она, тяжело дыша, присела на скамейку.

– Грязь там сквозь стены проросла! Как так можно? – Валя машинально протирала руки носовым платком, хотя ни к чему в квартире не прикасалась. – Оно, говорит, ничьё!

– Ты ещё в клозет не заглядывала, – добавила Вика. – Там полный отстой.

– Это вы убитых хат не видали, – возразила Дина. – С крысами, мышами. Из убитой хаты выходишь, в метро зайти стыдоба. Кажется, от тебя воняет.

– Отняли у них всё? Что у них отняли? Чистоплотность? – не могла успокоиться Валя.

– Чё ты сопротивляешься всеми копытами? Не берём так не берём, – остановила её Вика.

– Да потому что то же самое с выборами! Все требуют справедливости, но за собой даже воду спустить не готовы!

– Совсем стала ку-ку на своих выборах, – покрутила Вика у виска пальцем, и Дина согласно кивнула.

Валин кабинет заработал в прежнем режиме. Разве что Маргарита так вошла в роль администраторши целительского центра, что стала переигрывать. Сшила костюм в восточном стиле и начала читать коридорной очереди лекции.

В приоткрытую дверь кабинета залетали не к месту употребляемые «карма», «аура», «энергия», «просветление». Валя краснела от этой галиматии, но делать замечания стеснялась.

Эдик в последнее время дистанцировался от матери. Прилежно изучая в общежитии ВГИКа, куда его внедрила Вика, половой вопрос, резко похудел и превратился породистого красавца. И обтягивавшая прежде «военка» стала на нём мешковато болтаться.

– Артемий обещал найти курсы биоэнергетики, – объявила Маргарита каким-то новым грудным голосом.

– Вам??? – обалдела Валя.

– А вы видите меня исключительно обслуживающим персоналом?

– Нет, но... Это требует определённой внутренней... – хотелось сказать «чистоты», – дисциплины. А вы – виолончелистка, богема.

– Сидя под дверью вашего кабинета, я многому научилась.

«Только не это!» – с ужасом подумала Валя. Она вдоволь насмотрелась на таких Маргарит в духовном университете Льва Андроновича и наслушалась про то, как они открывали собственные кабинеты и лохотронили публику.

Первой пациенткой была сегодня ухоженная женщина за сорок, с ног до головы в «кутюре». Она с порога объявила:

– У меня только остеохондроз.

– Раздевайтесь, ложитесь на живот, – кивнула Валя на массажный стол. – Перегружаетесь в быту?

– У меня и быта-то нету. Дочь замуж вышла, муж свалил, – почти весело сказала женщина. – И так и так пробовала вернуть, и в бедную прилежную играла, и в богатую капризную. Ладно бы к бабе, а то – в никуда!

– В никуда? – Валя делала ей массаж шеи и спины.

– Якобы у него кризис «самого себя». Но, как говорится, пускай рыдают те, кому мы не достались, и сдохнут те, кто нас не захотел.

– Думали, почему он так сделал?

– Мне и самой всё обрыдло, но новые отношения уже не запустить, все траектории окаменели. Готовила, стирала, убирала, давала на все сто. У нас был пятизвёздочный секс! – Она пожала голыми плечами. – Сказал, с тобой не расту духовно. Живёт на даче, два часа пилит на работу, жрёт пакетные супы, читает книжки.

– А что он имел в виду под духовным ростом?

– Ерунду всякую. Про душу, про реинкарнацию. Тыкался во всё, как подросток.

– А вы не тыкались? Вам всё ясно про жизнь и смерть?

– Знаете, какие тыкаются? Немытые, больные, недотраханые... Даже не боялась, что он там бабу найдёт, – презрительно призналась она.

– Я, по-вашему, немытая, больная, недотраханная? – засмеялась Валя. – Тоже ходила, искала, думала.

– Но я – земной человек.

– И я. Просто в определённом возрасте человек начинает разбираться со смыслом жизни. И ему с тем, кто не ищет, не про что быть вместе.

– Смысл жизни – делать людям добро, – раздражённо возразила женщина.

– Но жизнь однажды кончится и начнётся новая. Или обнаружится, что раньше была какая-то другая. И поступки в них связаны. Понимаете?

– Нет.

Потому он и ушёл, подумала Валя, тем более что её диалог с Горяевым выглядел аналогично. Он огрызался: «Как говорит Людмила Пихоя, не лезь в мою подсознанку некипячёнными инструментами!» Людмила Пихоя была спичрайтером Ельцина, её имя произносили с благоговением.

– Думаете, если пойду по этим шаманским притонам, он вернётся? – усмехнулась женщина.

– По крайней мере, поймёте, зачем он ушёл.

– Говорите его словами, – поморщилась женщина.

И было ясно, что больше она на приём не придёт.

После неё были дети и старики, а последним – издёрганный мужик. На его правой руке синела наколка «ИГОРЬ», на левой – наколка «ТЫНДА». Сперва пыжился, рассказывал, как заработал на квартиру в Москве на стройке в местах, где три месяца холодно, а девять месяцев «очень холодно».

Потом разнюнился по поводу пропитой печени. Лежал на кушетке, ныл и вдруг продолжил агрессивно начатый с кем-то спор:

– Думают, я робот... У меня семь охранников, а магазин здоровый. Бомжара приходит, весь аж гниёт, говорит: «Дай денег, а то ночью приснюсь!»

– Даёте?

– Даю. Когда денег, когда в харю. Директор велел обыскивать подозрительных. Метут же с полок как снегоуборочные машины, нас потом на бабки ставят за недостачу в зале. Мы

обыскивать не имеем права, можем только ментов вызвать. Это в КГБ бдят за каждым, а у нас охранник у камер слежения сидит – порнуху листает и яйцами играет.

– Нарушаете закон, обыскивая людей?

– Девчонка вчера зашла, лет десять. Покрутилась, игрушку под куртку сунула. Гошка с Лёнькой её хватить и тащить в подсобку. А тут бабёнка: «Я юрист, по какому праву ребёнка тащат в подсобку?» Главное, игрушку у девчонки не обнаружили, маленькая сучка, но опытная. А юристка – вызываю милицию, открываю на вас дело!

– Десятилетнюю два охранника тащат в подсобку? – ужаснулась Валя.

– Какие они охранники? Алкаши, для остротки.

– У вас дочка есть? Представьте, что её два алкаша тащат!

– Моя дочка не ворует. А эта одета хорошо. Поймать бы – жопу надрать!

– Может, она и не крала, а вашим алкашам показалось?

– Говорят, игрушку под куртку засунула... – растерянно повторил он.

– И весь магазин спокойно смотрит, как два мужика тащат ребёнка?

– Достали вору! Хорошо, если в подсобке от...им, в основном так отпускаем.

– Всё-таки считаете, что можно тащить ребёнка в подсобку?

– Ничё я не считаю. Две семьи кормлю на свою зарплату, голуба. А эта юристка попёрлась к директору, говорит, ментов вызову, чтоб вы видео не стёрли, засужу магазин, телек позову. Директор ей, давай договоримся, а она, падла, денег не берёт! Согласилась заткнуться, если при ней охранников уволит, он приказ подписал, ей копию вручил. А я ж их инструктировал в подсобку тащить, подставил из-за какой-то сопли!

– Подставили их, а не девочку? – пробовала пробраться к его мозгам Валя.

– Забить мне на девочку! Меня нанимали сторожевой собакой. Гошка с Лёнькой говорят, мы на тебя пахали! А теперь нас в говно, а ты – весь в белом!

– У вас крест на шее. На Страшном суде тоже скажете, что вы сторожевая собака?

– Знаете, голуба, вы хоть и всемирная телезвезда, но я вам деньги плачу, чтоб печень лечить, а не душу. – Он чуть не заскрипел зубами.

– Напрасно думаете, что они не связаны. Одевайтесь, – разозлилась Валя, приоткрыла дверь и крикнула: – Маргарита, верните ему деньги! Это не мой больной, ему к священнику на исповедь.

Когда выходила на улицу после приёма, думала, зачем так подробно расспрашивает? Можно лечить молча. Как говорит Ада, меньше будешь знать, позже будешь вставлять золотые нити.

Но Лев Андронович учил их в духовном университете, что, подкрутив крохотную гайку, можно восстановить всю внутреннюю механику. А вылечив мизинец, поменять человеку биографию.

Дома мать возилась на кухне, оттуда волшебным пахло пирогами. Вика и Шарик выбежали встречать в коридор, и Валя ошеломлённо застыла. Вместо зализанных назад волос Викино личико обрамляла стильнейшая стрижка.

– Ничё хаерок? Типа пикси. Как у Деми Мур! У нас так все герлы подстриглись. Но ты не врубись, ты не видела фильм «Призрак».

– Не видела, но тебе идёт, – похвалила Валя.

– А ещё вот. – Вика задрала халатик. – Зацени чулочки! В Луже купила!

На её ногах были тёмные чулки на широкой кружевной резинке.

– Красивые, – залюбовалась Валя.

– Тебя померю, такие же куплю. Герлы с актёрского сказали, в них трахаться удобно, а то пока колготы стянешь...

Валя с отвращением вспомнила хлопчатобумажные чулки в «рубчик», какие носила в старших классах и медучилище. Они пристёгивались грубыми резинками к специальному поясу, который мать шила из ворованной ткани, украсив перламутровыми пуговками.

Полоска тела между чулками и трусами зимой обмерзала, и на девочек напяливали байковые трико с начёсом. А увидев в журналах импортные колготки, бабы из городка прозвали их «чулки с трусами».

И кулёмали самостоятельно, пришивая хлопчатобумажные чулки к панталонам. Зрелище получалось не для слабонервных, но эстетическая сторона мало кого занимала.

Хлопчатобумажные чулки называли «толстыми», а тех, кто достал через спекулянтов гэд-ээровские «капронки» и «дедеронки», считали проститутками. Эти чулки примерзали к ногам при минусовой температуре, и снять их было можно, только поливая тёплой водой. Первые капронки Валя купила на свадьбу, а о колготках тогда и не мечтала...

Как Вика сказала про чулки? «В них трахаться удобно, а колготы пока стянешь...» И эта стрижка? Пикси? У неё роман? Почему молчит? Как к этому тактично подступиться?

– Прикинь, Ельцин поздравил пипл с контрактной армией! – объявила Вика. – Кто играет с динамитом – тот придёт домой убитым. Гонит про контрактную армию?

– Когда-нибудь будет... – Передача, которую Валя вела с генералом Воробьевым, не свистела о быстроте перехода армии на контракт. – Давай не про выборы, и так завтра съёмка с доверенным лицом.

На съёмку с Голубевой Валя приехала пораньше. Ада, Лариса и Катя сидели в кабинете за накрытым к чаю столом.

– Держи, Лебёдка, Ларискин сценарий. Сперва эту Голубеву как бы мни, размягчай вопросами, – протянула Ада папку. – Потом поглаживай: «как вы уже сказали», «как я поняла благодаря вам». Вопросы, подчёркнутые красным, задашь, когда она двумя лапами схватится за сыр. Голубеву надо отработать на высшем уровне!

Из всего этого следовало, что за передачу Аде хорошо заплатили, а сценарий нулевой.

– Катя, Лариса, чтоб ни одного провокатора в студии не было! Эфир прямой! За каждого провокатора вычту из зарплаты! Ты, Лебёдка, не смотри на меня зверем! Всё на мне! Реклама на мне, рейтинги на мне, выборы на мне! – внезапно заголосила Ада. – Горяевские люди велели снять в скоропомощном режиме интервью с губернаторами! А поди поймай их трезвыми!

Валя, не откликаясь, листала сценарий.

– Поймала одного трезвым, сидит в расстёгнутой рубашке, на груди золотая бляха с полкило брюликов, – продолжила. – Прошу, снимите на время интервью, отвечает – она мне душу греет! И место ему в «Чёрном дельфине», а не в губернаторском кресле!

Валя знала от Тёмы, что «Чёрный дельфин» – колония особого режима, считающаяся самой страшной из зон. И снова промолчала.

– Ты мне передачей с Голубевой одолжение делаешь?

– Не тебе, а Виктору! – отрезала Валя и пошла на грим.

– Ну, просто сказка о золотой рыбке... – прошипела вслед Ада.

В гримёрке ждали своей очереди две попсовые певицы, Валя знала их в лицо, но не могла запомнить по фамилиям и тем более по репертуару. Их трескотня не давала сосредоточиться на тексте сценария:

– Как ни включишь телик, сплошняком твои рожа и жопа!

– Ну, ты сама себе Гэллп!

– Слышь, а я со своим рассталась. Прикинь, он при живой мне с другой бабой!

– Так ты по нему не сохла, ты сохла по его кредитке.

– И по кредитке тоже. Видишь, как мне губы передудли?

– Можешь за эти вареники снять с клиники бабки.

– Сказали, это моя реакция на вторжение в организм! Организм железный, в него только дулом танка не вторгались.

– А волосы наращивала?

– У меня все запчасти не родные...

Диалог настолько выбешивал, что Валя потребовала загримировать себя без очереди, сославшись на прямой эфир. А потом спряталась в артистическую, где мурчала трёхцветная кошка, а костюмерша Антонина Львовна аккуратно лепила на подошвы четырёх ультрамодных сапог бумажную клейкую ленту.

– Девчонкам, что в гримерке, на музыкальной передаче два часа по сцене топтать. А там и грязь, и пыль, и шляпки от гвоздей. Потом же обратно в магазин сдавать как новые, – пояснила она. – Лентой клеить придумала, как окошки на зиму. Чтой-то вы как в воду опущенная?

– У меня доверенное лицо Ельцина – какая-то ректорша, – призналась Валя. – Засыплет агитками. Сценарий мёртвый, а эфир прямой. Антонина Львовна, Ельцин победит?

– Чего ж не победить? Мужик сильный. Пьяному море по колено, а лужа – по уши.

– Голосовать пойдёте?

– Мне зачем? Я жизнь прожила. Костюм ваш на вешалке. Подгладила чуток. В фирмах ваших не понимаю, но материал с пошивом дорогуший.

Костюм был песочного цвета с наглухо застегивающимся френчем и юбкой ниже колен. Он идеально сидел на Вале, хотя казался слишком тёплым.

Однако при входе в студию прилип Федя Кардасов:

– В этом пойдёте или всё же переоденетесь?

Валя не удостоила его взглядом. Лариса Смит сидела в углу, теребя бахрому очередной псевдорусской шали в крупных розах, и при виде Вали отвела глаза, чего нельзя было сказать о Кате и Корабельском.

Те устали так, словно видели её впервые. Рудольф стояла у мониторов и всеми зубами улыбалась даме в модных очках, на которой Валя увидела тот же самый песочный костюм с френчем и юбкой до колен.

– Будущее выборов означает будущее России! Чтоб приготовить уху в аквариуме, достаточно поставить его на огонь, а чтоб сделать наоборот, надо быть Господом Богом! На вас колоссальная ответственность! – пафосно вещала Ада Голубевой. – Одна проблема – сдохли кондиционеры, в студии будет Африка...

«Кто эта Голубева, что Ада так пляшет перед ней, и как глупо мы будем выглядеть в одинаковых костюмах», – успела подумать Валя.

Кивнула Голубевой, и та доброжелательно улыбнулась в ответ.

Ада перевела взгляд на Валу и вскрикнула, словно её ударило током:

– Твою мать, сговорились?! До прямого эфира четыре минуты! Зюгановцы напишут, что ельцинский штаб выписал вам обмундирование! Лебёдка, бегом расстегни пиджак!

– Там комбинашка.

– Цвет?

– Чёрная.

– Запомни на всю оставшуюся жизнь, бельё на тебе может быть только бежевое! Это закон телевидения! Елена Георгиевна, а у вас что под пиджаком? – Аде было не до хороших манер.

– Бронежилет, – пошутила Голубева.

– Это полный обвал картинки! Над нами уржуются свои и чужие! Эй! Со скоростью света организовать что-нибудь! Блузку, футболку, майку! С себя снимите! Иначе все уволены! – заорала Ада так, что Голубева отшатнулась.

Сотрудники засуетились, оглядывая друг друга. Катя вцепилась в Ларису, стаскивая с неё шаль в огромных розах.

– Океюшки, океюшки... Это... авторская работа... – залепетала Лариса.

– Х...вторская! – в рифму заорала Ада, держась за виски. – Твой, Лариска, сценарий! Ты жопу не подняла глянуть на костюмы! Не спи, Лебёдка, заматывайся в эту похабщину! Хоть пиджак прикроем!

Подскочила к Вале, расстегнула верхние пуговицы френча, подвернула борта, организовав вырез, выкрикнула:

– Брошку, булавку, бегом!

Молоденькая администраторша сняла с себя и подала дрожащей от страха рукой брошку с голубым оленем. Ада закрепила шаль оленем, который был тут ни к селу ни к городу, помогла Вале закатать рукава, и пиджак был замаскирован.

Валю затошнило от пропитавших шаль Ларисиних духов, как тошнило от самой Ларисы. И при всём отвращении к Аде она оценила её скоропомощную реакцию, хоть и выглядела теперь как огородное пугало. Но пусть журналисты лучше оттопчутся на этом, чем на одинаковых костюмах в кадре.

Ректоршу Голубеву Валя представляла пожилой занудой, а она оказалась полноватой милашкой из тех, кому категорически не стоит худеть. И хоть была лет на десять старше Вали, оцепенела от мизансцены.

– Елена Георгиевна, душечка! Работаем в условиях, приближённых к боевым! – бросилась успокаивать её Ада. – Соберитесь, моя хорошая! Лебёдка, чеши под камеры! Сядешь в кресло, юбку подтяни, чтоб коленки сверкали! Х... они тогда поймут, что на вас одинаковые костюмы. Елена Георгиевна, миленькая, глоточек коньяка для разрядки?

– Вот уж увольте, – попятилась от неё Голубева.

– Здравствуйте! С вами передача «Берёзовая роща» и я – Валентина Лебедева. Наша сегодняшняя гостья – ректор Педагогического университета Елена Георгиевна Голубева, – произнесла Валя.

Подтянув юбку с коленок, чувствовала себя неловко, сроду не носила короткие юбки. Из-за сломанных кондиционеров в студии была жарница, и зрители обмахивались пригласительными билетами.

– Елена Георгиевна, исход президентских выборов важен для каждого жителя страны. Не по сценарию спрошу, почему вы стали доверенным лицом Ельцина? Вы – ректор университета, у которого на счету каждая минута, – спросила Валя, демонстративно отложив Ларисин сценарий.

Голубева улыбнулась, заиграв чудесными ямочками на щеках, и глазами дала понять, что сцена с одинаковыми костюмами сделала их сообщницами:

– Тогда и я отвечу «не по сценарию». Три года руковожу университетом, всеми силами делаю его атмосферу свободной и праздничной и опасаясь, что победа коммунистов вернёт нас в прежнюю тусклую и бесправную жизнь.

– Как объяснить это людям, выбитым из привычной колеи? Они, с одной стороны, злятся на разбогатевших, с другой – не хотят обратно в социализм, – выговорила Валя, представив лицо Горяева, шокированного шалью с розами и выставленными напоказ коленками.

– Люди понимают политику как волшебную палочку и хотят отдать её в надёжные руки. За нагромождениями лозунгов от них ускользает реальный человеческий образ, так что расскажу о Борисе Николаевиче без агитации, – ответила Голубева с домашней интонацией.

– Так уж и без агитации?

– Попробую. Моё образование, мои успехи, моя энергия – заслуга родителей. И я преклоняюсь перед людьми, которые сделали себя сами. Борис Николаевич родился в семье кулаков, разорённых советской властью. Деда выслали, отца отправили в ГУЛАГ строить канал Москва – Волга, – начала Голубева.

И Валя буквально застыла, она этого не знала.

– Он учился в Березняках и в седьмом классе был исключён из школы за то, что вступил в конфликт с учительницей, которая била детей и заставляла работать у неё дома. Он пожаловался в горком партии и доучился в другой школе.

– Семиклассник пожаловался в горком партии? – изумилась Валя.

Но тут старушка в старомодном бархатном платье выкрикнула из первого ряда:

– Банду Ельцина под суд! Банду Ельцина под суд!

Она была дебютанткой, нанятой за три копейки, а не профессиональной провокаторшей. Кто-то привёл её сюда, попросив надеть лучшее, и Валя представила, как старушка репетировала этот выкрик дома, усевшись перед трюмо. И как забивала духами запах нафталина, идущий от платья.

Ей было жалко старушку, но прямой эфир есть прямой эфир.

– Зюганов начинает выступления с этой примитивной кричалки, придуманной политтехнологами. Разве у вас нет своих слов? – обратилась Валя к старушке.

– Аплодисменты! – зашипела Ада из-за мониторов, и зал захлопал.

– Я продолжу, – в строгой преподавательской манере сказала Голубева. – Молодой Ельцин стал мастером спорта СССР по волейболу, играл в команде Высшей лиги страны и тренировал вторую сборную УПИ...

– Американцев позвали выбрать вашего Ельцина! Потому что своим противно! – перебил её пожилой мужчина в костюме и широком галстуке, каких уже никто не носит.

И Валя увидела, что он пьян. Пьяных в студию не пускали, значит, хлебнул для храбрости в зале и не рассчитал силы.

– Ошибаетесь, в очереди стоят, чтоб поработать в его штабе! – повернулась к нему Голубева. – А когда Ельцин победит, все станут врать, что работали на него! Позвольте мне продолжить?

– Союз развалили, народ обокрали! – откликнулся мужчина; мало того, что он был пьян, так ещё всё время теребил свой доисторический галстук.

Пьяный в прямом эфире – это засада, вывести его можно только в рекламную паузу. Да ещё и лица у Вали и Голубевой тут же заблестели из-за сломанных кондиционеров и тёплых костюмов, а гримёрша тоже могла войти только в рекламную паузу.

– Он успел поработать каменщиком, бетонщиком, плотником, столяром, стекольщиком, штукатуром, маляром, машинистом крана, мастером, – продолжила Голубева. – Поступил на стройфак Уральского института, дорос до директора лучшего в Свердловске домостроительного комбината... Но, не поверите, никто никогда не слышал от него слова мата!

– Вот бы и строил дальше! – встал из второго ряда худющий молодой человек с интеллигентной бородкой. – Кого он назначил губернаторами? Это же бывшие секретари обкомов!

«Яблочник, – подумала Валя, – привет от Юлии Измайловны». И вспомнила слова Ады про то, что место губернатору с золотой бляхой в «Чёрном дельфине».

– А кого б вы назначили, если ни у кого из демократов нет управленческого опыта в регионах? – мягко спросила его Голубева.

– Да просто компартию надо было запретить, как нацизм запретили в Германии! – пылко добавил молодой человек.

– Согласна! Компартия не только не ответила за содеянное, но и оказалась в оппозиции, – кивнула Голубева. – Я и сама там состояла, но не по любви. Просто без партбилета в моей профессии не допускали не только до защиты докторской, но и до защиты кандидатской! Но управлять регионами всё равно кто-то должен.

– Аплодисменты! – зашипела Ада из-за задника.

– Всё разворовали и валите на коммунистов! – снова активизировалась старушка в бархате.

И тут Голубева превратилась из милашки в валькирию и привстала с кресла, чтобы почти прокричать старушке:

– А вам известно, что коммунисты исчерпали валютные резервы и золотой запас? Что продовольствия к августу девяносто первого года оставалось на тридцать два дня? Что даже зерна своего не было и муку делали по мере поступающего импортного? Мэр Попов готовил спецотряды для борьбы с голодными беспорядками! И депутаты предоставили Ельцину и Гайдариу чрезвычайные полномочия, потому что были напуганы до смерти!

Голубева налила в стакан ненавистой воды «Лесной источник», вволю напилась, и Валя представила, как навязчиво держат сейчас камеру на бутылке.

– Извините, очень жарко, – оправдалась Голубева и продолжила с прежним запалом: – Был выход – превратиться в Северную Корею, выдавать по корочке хлеба и бить прикладами тех, кому её не хватило! Никто не предлагал другого выхода! Ни белые, ни красные, ни зелёные!..

– Куда дели деньги? – гаркнул пьяный мужчина в широком галстуке, который его беспокойные пальцы зачем-то скатывали снизу вверх в трубочку.

И Валя ужаснулась, что всё это сейчас на крупном плане.

– Деньги при СССР истратило правительство Павлова, а Россия после девяносто первого года признала долги перед Западом, сделанные коммунистами, и стала их в одиночку выплачивать! – ответила Голубева, словно он мог это понять на своей дозе. – Без признания долгов нельзя было получить кредиты, выйти на финансовые рынки, вступить в МВФ, во Всемирный банк и так далее.

– И бог с ними со всеми! На что они нам тут? – выкрикнула старушка в бархатном платье.

– Если у них не занять, из чего было платить вам пенсию? Где взять на зарплату госслужащим, врачам, силовикам, учителям и остальным? – спросила её Голубева.

Она говорила без тяготины и многозначительности. И то, что напротив друг друга сидели блондинки в похожих юбках с птичьими фамилиями Лебедева и Голубева, снижало пафос и делало тему домашней и касающейся каждого.

Когда передача закончилась, подкладка костюма была насквозь пропитана потом, а Валя – выжата как лимон.

– Не ожидала, что буду кричать, – повинилась Голубева в Адином кабинете за накрытым столом. – Но эти люди ведут себя хуже студентов.

– Они подсадные, у вас же нет подсадных студентов, – объяснила Валя.

– Выпить, подкрепиться, дорогая Елена Георгиевна! Вы сделали в этом формате невозможное и пробили зрителя током по кончикам пальцев! – Ада потрянула пачкой газет. – Только почитайте заголовки наших противников: «Беловежский преступник», «Главарь оккупационного режима», «Алкан в Кремле», «Ельцин и его жидовская свора», «Борух Элькин»!

– Да, штаб у них убогий, – кивнула Голубева и повернулась к Вале: – С вами очень комфортно в студии. Только жарко, как в бане.

Катя протянула ей салфетки, промокнуть лицо.

– Спасибо, но это моя последняя передача, – громко сказала Валя, скорее Аде, чем Голубевой.

Все на секунду застыли. Удивлённая Голубева хотела было задать вопрос, но Ада напала на неё с трескотнёй:

– Ваше появление – приз нашему каналу! Когда на переломе эпохи носители нравственности оглашают свою позицию, это становится для общества камертоном!

Было ясно, что эта патока неисчерпаема; Голубева посмотрела на часы, протянула Вале визитку и перебила Аду:

– Извините, у меня учёный совет!

Когда за дверью стих стук её каблучков, Рудольф выдохнула:

– Доверенное лицо с возу, кобыле легче! Катя, Лариса, почему в студии столько провокаторов? Если эти грёбанные кондиционеры не заработают, будете стоять всю следующую съёмку с опухшими! У меня от перегрева пульс сто! Лебёдка, ты открыла тему, как Колумб Америку, и сделала эту лису живой и честной.

– Она и без меня живая и честная, – откликнулась Валя.

– Голубева – лучшая из доверенных лиц. Олигархи на программу не пойдут, артистам никто не верит, остальные как заезженные пластинки. Не скажу тебе, с кем эта Голубева спит, но выбор правильный. С такой мёртвой хваткой дорастёт до министра или сенатора, – резюмировала Ада.

– Мне неинтересно, с кем спит она и с кем спишь ты. Но сценарий нулевой. А креатив туалета в парке даётся Ларисе лучше, чем креатив президента, – не удержалась Валя.

И Катя ей подмигнула.

– Я, Лебёдка, так замоталась, что туалет в парке из-под носа увели, – с досадой призналась Ада.

А Лариса стала обиженно запихивать в сумку шаль, словно не решалась надеть её после Вали.

– Не хочешь мне ничего сказать? – вкрадчиво спросила Ада.

– Всё уже сказала, – равнодушно напомнила Валя. – До свидания.

И пошла в артистическую снимать пропотевший песочный костюм.

Зазвонил сотовый, на нём вспыхнула надпись «Виктор». Понятно, что смотрел прямой эфир, хочет обсудить по горячим следам, но сил разговаривать ни капли. Не дожидаясь унизительного коллективного развоза на одной машине, Валя вышла из Останкино, остановила бомбилу и поехала домой.

Квартира благоухала сиренью, наломанной Викой в парке, и на душе у Вали потеплело. Бабушкин сад в мае утопал в сирени. Она настаивала цветки сирени от всех видов кашля, а промытые листья советовала класть на синяк и ранку, как подорожник.

– Что, доча, с этой пышкой кричали ровно агитаторы? – спросила мать. – Так надо?

– Так надо, – кивнула Валя.

– А пьяница там елозил, как вошь на гребешке, тоже так надо?

– Так получилось...

– Уж платком твоим налюбовалась. А что ж юбочку тёмненькую под него не подобрали? Специально разножопицу сделали?

– Специально, ма.

– Реклама «Выбирай сердцем» – душевная. А всё ж Мавродий победил бы Ельцина, кабы на выборы пустили! Мавродий – голова! Да уж, бог своё, а чёрт своё, – с сожалением добавила мать. – Ключи на стол не бросай! Ключи на столе к ссоре!

И ушла в кухню.

– Ну-ка позырь на меня! – скомандовала Вика, она видела всё, чего не видела мать. – У тебя глаза цвета кремлёвских звёзд! Опять температура?

– Перегрелась, перепсиховала, – отмахнулась Валя и отправилась в ванную, полежать в прохладной воде.

Снова позвонил Горяев, взволнованно спросил:

– Что случилось? Ада сказала, ты час как уехала!

– О, ты меня не забыл? – решила покривляться Валя.

– Забудешь тут! Еду по городу, а ты отовсюду улыбаешься со своим «Лесным источником».

– Где? – По Валиному телу побежали мурашки.

– На Кутузе, например...

– Стыдобища какая!

– Стыдобища, как тебя вырядили на передачу с доверенным лицом. Просто купчиха у самовара. Хотя коленки затмили всё.

– Правда, Ельцина консультируют американцы?

– Что там журчит? Ты в «Нью-Васюках»?

– Где?

– Есть такой сумасшедший ресторан в Староконюшенном переулке. С водопадом. Свою как-нибудь.

– С водопадом? Ничего себе! В ванне остываю после Голубевой... Вода льётся. Так что там с американцами?

– Приехали молотить три перца, которые восемнадцать лет назад пихали Клинтона в губернаторы Арканзаса. Срубили бабла, а толку как от козла молока. Мы не понимаем, что в стране творится, у наших политологов ум заходит за разум, а для американцев это вообще китайская грамота. Конкретно с Гарантом работают только Катя Егорова и Игорь Минтусов из «Никколо М»... Про остальных враньё.

– Виктор, я послала Аду и ушла с передачи, – начала было Валя.

Горяев несколько секунд помолчал и жёстко ответил:

– Обсудим после выборов. Целую.

Хотела ответить, но он повесил трубку. И это было обидно до слёз.

Когда легли спать и погасили свет, Вика сказала из своего угла комнаты:

– Препад подтвердил, что на этом законе поимели многих артистов. Там с какого года надо за кадры из фильма платить, а со старых – гребь лопатой. Но Горяич твоя крыша, и если он не наехал на Аду, значит, крыша – фуфло.

– Виктора волнуют только выборы. А я Аде сказала, что больше у неё не снимаюсь. Боюсь, устроит тебе проблемы с ВГИКом.

– Да найсвей меня на курсе никого! Зуб даю, завтра она позвонит, будет трясти баблом, – оживилась Вика. – Прикинь, трубку беру я и грузу её доверху.

– И что ей скажешь?

– Кого-то учил, когда сбываешь наркоту, пролетает тот, кто назвал цену первым. Прикид у тебя на передаче был атасный, но бабка обкайфовалась.

– Знаешь, Вик, Ада дала бумагу, что она хозяйка рекламы, с таким лицом, будто она, а не я на деньги попала, – наконец сформулировала Валя.

– Потому что ей по фигу: туда лимон, сюда лимон. Ей кайф в человечков играть. У нас барыги были, которым главное не деньги, а зависимость. Жрали зависимость, как вампиры. У нарка уже ломка пошла, а он «захочу – продам, захочу – не продам». Адка бесится, что ты клала с прибором на её власть и деньги. Она к ним по трупам карабкалась, а ты пришла такая вся «не по понятиям».

– Вик, ты умеешь включать телефон на громкую связь, чтоб я разговор слышала?

Соня им прислала телефонный аппарат, которого Валя побаивалась.

– Фигли там уметь? Кнопка подписана английским.

Ада действительно позвонила в девять утра, чтобы застать Валу тёпленькой, но Вика подготовилась: с ночи отключила Валин сотовый и притащила телефонный аппарат на длинном шнуре поближе к себе. Включила громкую связь, и комнату заполнил напористый голос Ады:

– Лебёдка, всё ещё дрыхнешь?

– Ой, Ада Густавовна, это Вика, – ответила Вика избыточно сонным голосом. – Валя с утра свалила.

– А ты что там делаешь? У тебя что, родителей нет? – поинтересовалась Ада.

– Ох, Ада Густавовна, меня так плюшат перенсы! Прикиньте, папка не разговаривает с мамкой, Валя не разговаривает с папкой, а я разбодяживаю этот Бермудский треугольник, –

затараторила Вика, подмигнув Вале. – Зашли мы вчера с папкой отдать бабке таблетки от давления. Бабка нас сразу кормить, тут, бац, Валя с передачи в глухой невменяйке...

– Бабка – это кто? – с неподдельным интересом спросила Ада.

– Галина Федоровна, Валина мазер. Она ж спит и видит, чтоб Валя с папкой в обратку сошлись. Короче, Валя за эти таблетки давай на папку орать...

– Почему?

– Папка – суперневропатолог, Валя в таблетки не верит, про это у них тёрки. Они ж расплевались ещё до Горяича, когда папка её обозвал деревенской знахаркой. Короче, папка со мной на лестницу вышел, говорит, у Вали нервный срыв. Ночуй здесь, смотри за ней.

– Что значит, до Горяича? Она ж с ним как бы с министерства! – Ада не пропускала такие вещи мимо ушей.

– В министерстве они только втюрилась друг в друга, но она ж тогда ещё Муму была.

– Ты мне порожняк не гони! Говори, куда уехала? – окоротила её Ада.

– Ой, Ада Густавовна, она мне трепать запретила, но я ж вам ВГИКом обязана! – Вика изобразила крайний испуг, хотя Валя уже давилась от смеха.

– К Горяеву уехала?

– Вы меня не сливайте, я ж по-любому ваш человек, раз вы у деда учились! На какой-то канал уехала. На какой, не сказала. Вы ж её знаете – Зоя Космодемьянская! Там продюсер то ли Мамушкин, то ли Мамочкин... Предложил за нормульный ценник передачу про лечение травами.

– Не врешь?

– Да я сама в ауте! Говорит, из-за какой-то рекламы от вас свалила, – убедительно прикалывалась Вика. – На Горяича по телефону орала: «Какая из тебя крыша, если Ада рекламные деньги обкарманила? На хрен вы мне оба?» Замену ему ищет, с ней теперь шагу не ступи – олигархи с ходу ширинку расстегивают!

Валя, лёжа в постели, почти кусала подушку, чтоб не расхохотаться, и Вика пригрозила ей кулаком. Матери дома не было, а Шарик, услышав, что они проснулись, стал подвывать и скрестись в дверь.

– Что за звуки? – насторожилась Ада, чувствуя, что её дурят.

– Пудель дверь царапает. Человек собаке друг, у собаки нету рук... Впущу?

Вика долетела босиком до двери, и Шарик, погавкивая, пробежал по комнате и устроился у неё на постели.

– Думаешь, уйдёт с передачи? – не то Вику, не то саму себя спросила Ада.

– Вы ж Валю знаете – если чё, бьёт с ноги. Передаче без неё шиндец, а столько сил и бабла вложено! – проговорила Вика с неподдельной грустью, и Валя снова пожалела, что Ада не запихнула её на актерский факультет.

– Хочу как бы в командировку отправить, – забросила удочку Ада. – В прохладное место. Чтоб подостыла.

– Не поедет. Горяич её по выборам загонял по Зажопинскам.

– В Швецию хочу послать. – Ада сделала грамотную паузу. – Вместе с тобой.

– В Швецию? – Вика чуть не выронила трубку, начисто забыв свою роль. – Фигасе!

– А потом в Данию...

Валя с Викой растерянно переглянулись.

– Тут я беззандестенд... В Финляндию она точно поедет, там подружка. Вы меня с той подружкой в баню возили, где оркестр играл перед бассейном. Про Швецию и Данию не врубаюсь.

– Финляндии в меню нет, а Швеция и Дания на блюдечке. Из Стокгольма в Хельсинки доберётесь на пароме за две копейки. Короче, обработай её на поездку.

– Конечно, Ада Густавовна, изо всех сил навалюсь. Только я вам ничего не говорила и вы со мной не разговаривали! – стала умолять Вика.

– Целую крепко, твоя репка! – Ада положила трубку.

– Какая ещё Швеция и Дания? – удивилась Валя.

– Типа взятка турпутёвкой. Прикинь, мы с тобой в Стокгольме на паром и к Соньке с Южкой в Хельсинки! – Вика натянула одеяло на голову и пробубнила сквозь него: – Сплю дальше, раз учёбу прогуляла. А ты настраивайся. Даю установку на Швецию и Данию, как Кашпировский.

– Кто такой Мамушкин-Мамочкин?

– Даун с нашего курса. Нарезает вокруг меня круги, как хохлатый пингвин вокруг самки.

Было понятно, что подачка от Ады обяжет Валу, захлопнет капкан – придётся снова ломать себя и вести передачу, набивая чужие карманы деньгами с рекламы воды. Но с другой стороны, она увидит Соню! А пожаловаться можно только ей. От Вики утаивает одно, от Горяева другое, от Юлии Измайловны и матери почти всё.

Да и Лев Андронович, рассказывая о регрессионной терапии, говорил, что нельзя игнорировать страну, которая тебя сама позвала. Что купленные путёвки – это потребительский туризм, и только приглашения, внезапно надиктованные небесным диспетчером, поднимут тебя на новую ступень.

Вечерние новости раскалила информация о взорвавшемся в поезде метро сиденье на перегоне между «Тульской» и «Нагатинской». Показывали вылетевшие стёкла вагона, кричащих людей, испуганных милиционеров. Говорили о четырёх погибших, двенадцати госпитализированных, используя новые выражения «транспортная война» и «слепой терроризм».

Мать собралась в церковь, молиться за пострадавших. Валя так разнервничалась, что отменила завтрашний приём больных. И еле удержалась, чтоб не набрать телефон Горяева.

А в двенадцать на сотовый позвонила Катя:

– Водила к тебе поехал за загранпаспортами. Если фоток для анкеты нет, с паспорта переснимут.

– За какими паспортами? – не поняла Валя спросонья.

– Твоим и Викиным. У Адки всё схвачено, завтра шлёпнут визу. Билеты и паспорта с визами водила передаст, когда повезёт в аэропорт.

– В какой аэропорт?

– Вот что ты прикидываешься? Ты же Адку раком поставила, что хочешь в Швецию! – заорала Катя.

– В Швецию? – Валя окончательно проснулась.

– Представительские в конверте. С самолёта переводчик встретит.

– Кать, а гостиницы там дорогие?

– В командировку летишь, а Вика прицепом. У тебя встреча с каким-то начальством. Гостиница оплачена. Только не думай, что Адка что-то делает задаром.

– Кать, в метро взрыв... – напонила Валя. – А я в Швецию...

– Ну, взрыв! Что теперь, всем застрелиться из рогатки? Хорошие парни побеждают плохих везде, кроме новостных программ. Когда ещё взрывать, как не под выборы? Адка-то радовалась: «Швецию ей надо? Пусть вместо меня прётся в Швецию!» У неё там какая-то байда, и вдруг ты требуешь именно Швецию...

– Я требую? – Казалось, всё это розыгрыш.

– Перед этим сходишь завтра вечером в Балчуг, там окученный Адкой приют для девочек. Водила передаст набор кассет с детскими фильмами. «Берёзовая роща» дарит приюту сюси-пуси. Выйдешь и вручишь наклейкой в камеру.

– Ладно, везите кассеты. Кать, если уеду, дублёрша ведь передачу про взрывы завалит...

Она не собиралась больше сотрудничать с Адой, но взрывы.

– Опять тупишь! Нам надо выбрать Ельцина! Так что залепим взрывы кремовыми розочками! Случайно взорвалось сиденье, начальник поезда лишён премии за то, что не обнюхал его, как спаниель. В девяносто втором, когда ЕБН брякнул, если цены поплывут, он ляжет на рельсы, мы все рельсы из кадров вычистили. Чуть не из Анны Карениной их вычистили!

И положила трубку. Валя стала тихо одеваться, чтоб спуститься к водителю, но, передав ему загранпаспорта, пожалела. Какая у неё там может быть важная встреча? И кто она такая, чтоб её ждали в Швеции? Ада явно что-то задумала.

– Ма, кажется, мы с Викой летим в Швецию, – объявила Валя за завтраком.

– Самолётом? – перекрестилась мать.

– Воздушным шаром! – хихикнула Вика.

– На что тебе, доча, та Швеция? Можно сказать, без порток, а в шляпе, – запричитала мать.

– Бабуль, чё струнные запустила? Оплачивает передача, – успокоила её Вика.

– Командировка.

– Тогда грех не съездить, – тут же согласилась мать. – В церковь пойду – свечи поставлю. За вчерашних невинно убиенных да за вас, гулён! К Соньке?

– Ма, она в Финляндии.

– Тогда Свене звони. Он же швед, глядишь, подсобит?

Но меньше всего Вале хотелось говорить о поездке Свену.

– На улице раздавали. – Мать протянула пёструю газетку. – Про Зюганова пишут, мол, настоящий Гитлер! Прямо заголовок «Зюг Хайль». А про Ельцина хорошо, прямо не ожидала. Смотри, какой-то Пьер Ришар, не знаю, кто это. А вот сама Вероника Кастро, которая «Богатые тоже плачут»! А ещё Виктория Руффо, которая «Просто Мария»! Зыкина, Пьеха, Боярский, Жванецкий! Ну, этим заплатили, а тамошним артисткам верю.

– Почему?

– Потому что они семь раз не русские и денег-то у них там куры не клюют.

– Если еду в Швецию, значит, должника Ады, – сказала Валя.

– Чё ты всё время укусы расчёсываешь? Рудольфиха тебе столько недоплатила, что это мелочовка, – возмутилась Вика. – Барыги, когда видят, кент вот-вот сорвётся – на другой состав перейдёт, к другому барыге отвалит или совсем завяжет, – находят его. И сразу, мы ж с тобой друзья, бери разок бесплатно, потом бабки отдашь...

И после этого на всех парусах понеслась во ВГИК хвастать поездкой в Швецию, а мать замоталась в платок и ушла ставить свечи в Никулинскую церковь. Оставшись дома, Валя набрала телефон кабинета.

– Оздоровительный центр «Валентина», – с каким-то жутким прононсом ответила Маргарита по телефону.

– Здравствуйте, Маргарита! У нас снова пауза. Меня посылают в командировку, – сообщила Валя с сожалением.

– Понимаю, что лично без вас Ельцина никак не выберут, – ядовито начала Маргарита. – Но если кабинет будет так долго простаивать, я начну принимать в нём сама!

– Отличная идея, – засмеялась Валя. – Позвоню, когда вернусь.

От простоя Маргарита не теряла в деньгах, но не могла перенести, что у Вали яркая интересная жизнь, какой могла бы жить и сама Маргарита. И считала Валу покупательницей счастливых лотерейных билетов, призы за которые по справедливости должны были достаться самой Маргарите.

Вечером Валя с Викой чуточку опоздали в Балчуг с картонной коробкой видеокассет, обёрнутой подарочной бумагой. Они уже были в Балчуге на юбилей телеведущего Курильщикова, так что легко нашли зал, из-за закрытых дверей которого доносилось ангельское пение.

На цыпочках зашли между номерами, и на них набросились две совершенно одинаковые дамы в деловых пиджаках:

– Валентина, Валентина! Вам в первый ряд к вручантам – место держим!

Толстая монашка дирижировала на сцене анемичными девочками в одежде, стилизованной под монашескую. Одинаковые платица мышинного цвета дополняли белые платочки, завязанные по-старушечьи. А над девочками висел огромный экран, по которому бежал склеенный в кольцо предвыборный ролик с биографией Ельцина.

Он заканчивался после каждого песнопения и заходил на новый круг. Текст ролика заглушало пение, так что выглядело это практически мелодекламацией про жизнь очередного святого.

Дамы в деловых пиджаках сели с двух сторон от Вали и Вики и, перебивая друг друга, зашептали:

– Мы пиарщицы этого проекта! Хор девочек, такая прелесть, такая своеобычность! Их всех подкинули в монастырь! Они там просветлились, перестали воровать и мастурбировать! Пробьём им ремонт и купим новые кровати. Общественность поддержит, к выборам святое дело. Потом сделаем гастроли по Европе, билеты на них продаются от-лично.

– Это бизнес? – нахмурилась Валя.

– Какой ещё бизнес? Матушка-настоятельница – святая. В прошлый раз её джип застрял в болоте, три часа молилась, и джип вылез из болота, – зашептали пиарщицы.

– Откуда у матушки-настоятельница деньги на джип? – не сдержалась Валя.

– Пожертвования. К тому же девочки в приюте вышивают золотом, плетут кружева. Всё это хорошо продаётся.

– Детский труд с благословения патриарха? – закипела Валя.

– Патриарх только духовно окормляет монастыри, а экономическая деятельность у них самостоятельная. Что вам не нравится в нашем проекте? – насупились пиарщицы.

– Девочки не должны ходить в этих жутких платьях и должны жить той же жизнью, что их сверстницы, – зло зашептала Валя. – Церковь отделена от государства!

– Конечно, – кивнула одна из пиарщиц. – Зато в приюте их никто пачками не продаёт за границу!

На это возразить было нечего.

Девочки пели: «Белеет парус одинокий в тумане моря голубом...» Фотоаппараты щёлкали. Монашки приглушённо ворковали между собой. А зал был набит новыми русскими парочками в смокингах и декольтированных платьях, готовыми отстегнуть приюту бабла в размере своего чувства вины.

В середине исполнения «Паруса одинокого» на девочек упало море белых воздушных шариков. Они перепугались, а зрители стали весело перебрасываться долетевшими до них шариками.

В финале песни стало ясно, что напугало девочек. На последней ноте они заученно воздели руки к небу, но оттуда не высыпалось ни одного шара. Девочки замерли с воздетыми вверх руками, но пустые небеса не откликнулись.

– Обязательно скажите про выборы, про Ельцина! – шепнула пиарщица.

– Девочки! Вы такие красивые, такие талантливые! – начала Валя в микрофон, выйдя на сцену с коробкой. – Спасибо за это замечательное пение! Передача «Берёзовая роща» дарит вам коллекцию детских видеофильмов, чтобы сделать вашу жизнь веселее и интереснее!

Девочки испуганно глазели на Валу. Никто из них не решался взять коробку.

– Как тебя зовут? – обратилась Валя к худющей крохотной девчужке, стоящей с краю.

– Аля, – прошептала та, вопросительно глядя на монашку-дирижёру.

– Громче! – гаркнула на неё та, как прапор на первогодку.

– Аля! – сказала девочка что было сил и закашлялась.

– Аля, какие детские фильмы у тебя любимые?

Аля снова перевела огромные глаза на монашку-дирижёршу, на Валю, на монашку-дирижёршу, на Валю и выдавила из себя:

– Богоугодные...

Валя поставила на пол коробку с фильмами, поцеловала девочку и пошла со сцены под дежурные аплодисменты.

– Всем спасибо! Девочек погрузят в автобус, а у нас фуршет! – закричала одна из пиарщиц, и девочки строем пошли со сцены к двери.

– Зря фильмы дарила, им всё равно смотреть не дадут, – фыркнула Вика.

– А вас ждут журналисты. Надо дать три съедобных интервью про приют к выборам, – вцепилась в Валю пиарщица.

Ролик про Ельцина так и не выключили, и он уже восемнадцатый раз начинался с села Будка.

– Я не буду давать интервью про приют, – помотала головой Валя.

– Но у нас договоренность с Рудольф!

– С ней договоренность, у неё и берите интервью.

– У нас с Рудольф бартер.

– Она вам – интервью со мной, а вы ей – под выборный бюджет поющих сирот? – понесло Валю.

– Мы ей не только сирот обещали, ещё ветеранов и спортсменов, – запальчиво возразила одна из пиарщиц. – В конце концов, вы – только подчинённая Рудольф.

– Ваше поведение неуместно в присутствии звезды! – на весь зал объявила Вика.

На них стали оглядываться, и пиарщица оскорблённо прошипела:

– Да наш пиар в сто раз приличней вашего! Надеюсь, вы подарили сироткам фильм «Лесной богатырь»?

И, кривляясь, передразнила:

– «Лесной источник – вода на всю жизнь!»

И снова возразить было нечего.

Валя с Викторией проигнорировали фуршет и поехали смотреть очередную квартиру по наводке Дины. Она была на Пречистенке.

Дверь квартиры на первом этаже открыла ясноглазая девушка, за ней стоял статный молодой человек. Было видно, что это брат и сестра. Они позвали мать, приятную простоватую хозяйку квартиры.

– Риелторша как сказала, что вы придёте, я и подумала, судьба! – радостно призналась она.

Валя с Викторией прошли по четырём комнатам и переглянулись. Бывают в старом центре такие большие тихие квартиры, в которых время кажется остановившимся. И всё в них как замедленное кино: толстые стены, блики света на тюле, тени на диванах, неторопливая поступь, неспешные жесты.

Половина окон выходили в сквер, половина – в садик. Это было ровно то, что Валя искала. Конечно, первый этаж, но можно что-нибудь придумать. Главное, вторая линия, а не сама Пречистенка с машинами. И есть где посадить деревья.

– Уж так люблю эту квартиру, да вот дети выросли. Надо им по своему углу, чтоб не как мы в их годы мыкались, – сказала хозяйка.

– Вы тут родились? – спросила Валя.

– Из Казани пятнадцать лет как приехали, но выросла. А теперь к мужу пойду. У него тоже квартира.

– И как вам такая хата обломилась? – не преминула влезть Вика.

– Муж в ЖЭКе работает, – пояснила хозяйка. – А я вся больная. Дома сижу.

– Вот просто всё мне тут нравится! Но мы ненадолго уезжаем, вернёмся, сразу внесём залог. – Валя поняла, что это стопроцентно её квартира.

– Впендюрим джакузи, биде. Пальму обязательно, – перечислила Вика и с отвращением добавила: – Муж у неё в ЖЭКе! Ух, монголо-татарское иго! Всю Москву схавали!

– Я тоже лимита, – напомнила Валя.

– Ты – горбом заработала!

Они вышли на изумительную Пречистенку. Стемнело, и Валя не стала маскироваться тёмными очками и панамой.

– Вон в том доме раньше была «Берёзка», дед мне там шузы покупал. В загранку на конференции шастал, получал чеки, – показала Вика. – А прикольно снять в «Берёзовой роще» передачу про «Берёзки». Там же чисто конкретно висела табличка: «Население не обслуживается». А мы с дедом типа не население, а крутяк!

Валя промолчала. Единственным случаем, когда она сталкивалась с товарами из «Берёзки», был завтрак у гэбиста Николая, пытавшегося завербовать её в стукачки. Он расставлял на столе незнакомые баночки и упаковочки, к которым Валя не прикоснулась.

Они шли с Викой к метро «Кропоткинская». У дома, где смотрели квартиру, была тьмущая, но сама Пречистенка шикарно освещала изящные дома и знаковые особняки. Большинство зданий нуждалось в ремонте и реставрации, часть была затянута зелёной сеткой и строительными лесами, но чувствовалось, что скоро всё здесь засияет.

Дома и заборы пестрели объявлениями: продаю, ищу, концерт, кошки, музыка-фильмы, живые акулы, алтайский мёд и так далее. Гомонящие мальчишки-мойщики облепляли со своими тряпками и ведрами любую остановившуюся машину, получая то заказы, то оплеухи.

Грохотали мотоциклы с закатанными в кожу наездниками и их полуголыми подругами. Проорав в уши прохожим кричалку, прошли в красно-белых шарфах болельщики «Спартака» лет по шестнадцать. Навстречу им вышли подростки с громко включённым магнитофоном, орущим рок на английском, и компании чуть не сцепились.

Сияли вывески ларьков, банков обмена валюты, ресторанов и интим-магазина «Казанова». Старухи торговали цветами и сигаретами. Кавказец у открытого багажника «жигулей» «громко рекламировал лежащие там арбузы, а над арбузами висела картонка с написанным от руки: «Продам хорошие японские часы куплю золото».

Валя расслабилась в этой какофонии и шла, пританцовывая, словно репетировала новую жизнь в квартире, о какой и не мечтала, хотя внутренний голос противно одёргивал: «не спеши».

Надо было срочно собирать вещи, покупать сувениры важному лицу, с которым запланирована встреча, давать матери ценные указания. Но Вале ничего не хотелось делать. Хотелось лежать в постели, выбросив из головы Аду, и мысленно расставлять мебель в вожделенной квартире на второй линии Пречистенки.

Утром позвонила Горяеву:

– Улетаю в Швецию.

– Со шведом? – снисходительно спросил он.

– С Викой. В командировку.

– Самое время!

– По выборам своё отработала. Остальное кулёмайте с Адой сами. Для тебя я такая же кукла, как для неё.

– И давно ты занимаешься с Адой сексом?

– А я и с тобой давно не занимаюсь, только рядом хожу, презентуюсь.

– Ладно, вечером Слава заедет, – совсем уж по-барски уронил Горяев.

– Расщедрился! Не заедет никакой Слава! Вечером иду на свадьбу: пациентка выходит замуж за бандита, – зло ответила Валя. – Пойду завидовать, что любовь у них, а не общий бизнес!

Она отключила телефон, в носу зашипало, и хлынули слёзы.

А вечером отправилась с Викой на свадьбу. Всегда держала с пациентами дистанцию, но тут не устояла. Рыжая Наташа пришла в кабинет с горячими слезами от того, что не беременела от любимого Толяна, сделавшего это условием женитьбы.

Через несколько сеансов рейки-терапии Наташа забеременела, стала готовиться к свадьбе и переживала, что с её стороны не будет крутых гостей. Валя согласилась отработать «подругой невесты» и любовно выбрала в комке возле университета в подарок молодым сервиз.

Свадьбу справляли за городом, и машину прислали к подъезду. Как выразился по сотовому Толян, «подъедет “мерс”, типа “уазик”».

Пока ехали, Валя позвонила Юлии Измайловне, но та с места в карьер начала:

– Ужасная передача с Голубевой! Она бесстыдно агитировала за Ельцина! И ваша накидка с намалёванными розами...

– За костюм отвечаю не я, – напомнила Валя. – И было б странно, если б доверенное лицо Ельцина агитировало за кого-то другого.

– Вы подали её на лучшем блюде. После таких передач кажется, что вы – джинн, которого я выпустила из кувшина.

Хотелось ответить: «так засуньте обратно, может, там мне будет легче», но Валя сказала:

– Летим с Викой в Швецию. В командировку.

– О, поздравляю! Страна Августа Стриндберга и Астрид Линдгрен! Непременно всё сфотографируйте, потом расскажете мне о каждом фото! Как я люблю повторять, что железный занавес становится стеклянным!

На «“мерсе”, типа “уазик”» долго тряслись по пригородным дорогам, пока не въехали за высокий забор. Сперва показалось, что на огороженном забором пространстве уличный ресторан, но это был монументальный одноразовый павильон с истошной иллюминацией.

Круглые столы хрустели крахмальными скатертями и сияли золотом подсвечников, а возле кабинок уличного туалета бил фонтан, окружённый хороводом гипсовых русалок. День оказался прохладным для шоу на открытом воздухе, официанты поёживались в смокингах, а поверх вечерних нарядов гостей темнели куртки, шали и пледы.

Ансамбль глушил всё живое, а десяток известных артистов разминались у стойки с аперитивом. Увидев столько знакомых лиц, Валя поняла, что их оптом нанял один продюсерский центр. Она не ожидала, что у Наташиного жениха столько денег.

Молодые красовались в центре застолья на диванчике, закиданном шкурами, а за столами сидели семьи новых русских. Жены сверкали килограммами стразов и всё время одёргивали сынишек в бабочках и дочурок в лаковых туфельках.

Валю и Вику посадили за отдельный стол, им улыбались, но не смели подсесть. Рыжая Наташа с токсикозными кругами вокруг глаз была уже никакая и только вяло помахала Вале рукой. Сил показать, что Валя пришла с её стороны бесплатно, а не со стороны Толяна за деньги, у неё уже не было.

– Вот, сами молодые! Это сборы невесты и жениха в ЗАГС! Это в ЗАГСе, это на смотровой площадке! Это жених на коленях у Вечного огня! Это парк машин жениха! Это дом жениха! – бросился к Вале бойкий мужичок в белом костюме. – Каждому вип-гостю на память заламинированный альбом! Я – Спицын. Обращайтесь!

– Сколько же он бабла стряс с Толяна, если каждому альбом в натуральной коже? – вздохнула Вика. – Крутой фотик у меня есть – срочно меняю профессию!

Сперва было мрачно. Тамада только на уши не вставал, чтоб жених улыбнулся. Потом Толян снял фрак, обнажив малиновый подфрахтный пояс. И все снова замолчали, поскольку

на обширном брюхе жениха это выглядело приговором консультанту по свадебному имиджу. Но вскоре братаны начали ржать и спрашивать, почём брал.

А к Вале снова подскочил Спицын:

– Как вам организейшен? Вы ведь тоже скоро замуж выходите, обращайтесь!

– Я?

– У меня нюх на клиентов, как у гробовщика! Имейте в виду, меня никто не перешеголяет! – зачастил Спицын. – Делал свадьбу одному папе. Папа сказал, чтоб ни у кого так не было, а то... Помните, зодчим Храма Василия Блаженного глаза выкололи, чтоб не повторили чуда? Так я сделал этому папе в гольф-клубе русскую историческую свадьбу. В кольчугах и шлемах. У входа всех переодевали: баб в сарафаны, мужиков в камзолы. Они как дети радовались. А дальше битва Пересвета с Челубеем, блин. Это даже они знают из школьной программы.

– Там же лошади, – напомнила Вика.

– Вместо лошадей «мерсы»-кабриолеты с водилами-каскадёрами. И копы в руки! Показал смету, думал, папа меня за яйца повесит. А он: «У меня одна дочь, что ж ты, сука, копейничаешь?»

Спицын убежал руководить бесконечными викторинами и концертными номерами, а за столик плюхнулся подвыпивший шкаф криминального вида:

– Подсел чисто побазарить, вижу, вам мужского внимания не хватает. В ресторан мой приходите. Скидку дам любую, только ходите, красотой сражайте.

Он протянул визитку, всю в золоте.

– Это ресторан возле церкви? – вспомнила Валя, изучив визитку.

– Приятно, что нас знают! Церковь сперва лезла. Типа, закон, нельзя ближе, чем в ста метрах, кабак, – поморщился шкаф. – С законом по мелочовке не спорю, и стал ко мне батюшка за зеленью ходить раз в месяц. И мне удобно, и коллектив уважает, типа мы с ним обедаем. Директор по пиару в ресторане наш портрет вместе вывесила, тут батюшка стал наезжать.

– Наезжать? – удивилась Валентина.

– Божий человек, а ему всё мало и мало! Говорит, тачки твоих клиентов на дороге паркуются, машина мимо едет, поцарапает, ставь ко мне во двор, и с каждой тачки деньги на пожертвования. Одно дело стрелки, разборки – их отомлить можно. А тачки в церковном двореке на могилах – беспредел. – Он доверчиво посмотрел на Валу.

– Тачки на могилах отомлить без мазы! – влезла Вика.

– С Богом не шути! Говорят, один баклан сделал у ювелира Христу на кресте глазки из брюликов, чтоб Христос видел, как баклан поднялся, – подмигнул шкаф. – Так его через неделю отпели! А почём будет портрет меня с вами в ресторане повесить?

– Рядом с портретом попа-рэкетира? – строго спросила Валя.

– Нет базара! Подставлять Горяева за копейки не будем, дело житейское, – закивал он. – А малипусенькую встречу с ним никак нельзя?

– Звоните в приёмную, – посоветовала Валя.

– Телефончик напишете? – осклабился он.

– В Госдуме есть справочная служба.

– Не прогнул, – покачал он головой. – Думал, договоримся, не в накладе останетесь.

После чего встал и, не прощаясь, двинулся к своему столику.

– А с виду простой, как три рубля, – заметила Вика и вдруг завопила: – Ой, смотри-смотри! Как они их сидеть заставили?!

Четыре официанта под восхищённые крики гостей ввозили свадебный торт величиной со стол, по углам которого сидели четыре замерших лебедя.

– Успокоительным накололи!!! – вопила Вика. – Где защитники прав животных?

Гости неистовствовали на тему лебедей, жених сиял, невеста провожала их усталым токсикозным взором. Но по мере приближения торта возбуждение ослабевало. Лебеди оказались ювелирно сделанными из безе в натуральную величину.

– Как придумано, как придумано? – зашипел над Валиным ухом счастливый Спицын. – Про безе забудут, в памяти останутся живые лебеди на торте! НЛП!

– Что? – переспросила Валя.

– Нейролингвистическое программирование! – расшифровал он.

– Это новая ветвь разводилова, – шепнула Вика. – Как двадцать пятый кадр! Зачем ему НЛП, и так без мыла везде влезет.

Пока ехали домой, говорили о новой квартире.

– Про биде я серьезно, – настаивала Вика. – Без биде теперь только нищebroды.

– Мать в нём будет Шарику лапы мыть после прогулки.

– А в большой комнате под пальму рояль! Вечера замутим, селебрити нагоним... Жизнь даётся человеку один раз, и надо прожить её с биде и роялем!

И снова всё это выглядело словно метро взорвали в далёком чужом городе.

До Сони Валя не дозвонилась. Не отвечал ни один телефон. Ночью в суматохе укладывали вещи. Мать втюхивала «торбочку почаёвничать» – пакет с чаем, пряниками, баночкой мёда.

– Бабуль, нас переводчик сразу в кабак потащит! Это ж Швеция! – уняла её Вика.

– Можешь хоть в Швецию съездить без дурацких очков? – попросила Валя.

Выходя из дома, Вика по-прежнему напяливала для важности очки с простыми стёклами.

– Не базар, там понтоваться не перед кем. Нафоткаю всё горячевским фотиком, смонтирую для курса слайдфильм, – обрадовалась Вика новому амплуа.

– Без очков да со стрижечкой – загляденьице! – залюбовалась ею мать. – Все шведские женихи твои!

– Мне не останется? – пошутила Валя.

– У тебя уж волос седой скоро ползет, а Викауска – цветочек нецелованный, – расставила акценты мать.

Водитель с визами и паспортами опоздал, неслись в аэропорт как угорелые. Пригодилась народная любовь – везде пустили без очереди, иначе бы не улетели. Валя была в аэропорту впервые, Вика хорохорилась, но тоже плохо ориентировалась.

Сердобольные работницы «Шемереметьево-2» запихнули их в самолёт, он задрожал и двинулся по лётному полю, и Валя даже не успела испугаться. А когда набирал высоту и кирпичные особняки новых русских стали уменьшаться, вспомнились слова Горяева:

– Едешь по Подмоскoвью, из трёх домов два достроены. Кого застрелили, кто сел, кто в бегах, кто разорился.

Летели компанией «SAS», восходящее солнце било в глаза. Самолёт шумел, как ткацкий цех, облака лились из-под кромки оконного стекла, как ажурная ткань из матеpиногo ткацкого станка, на которую маленькая Валя зачарованно глазела часами.

– В третьем классе в Крым с дедом летала. Прикинь, самолёт типа ушастогo «запорожца». Болтало, как в центрифуге, из меня весь хавчик обратно вывалился, – поделилась Вика. – Ты хоть догнала, что мы по халаве прём в Швецию?

– Нет, – призналась Валя, поражённая ощущением устойчивости самолёта в воздухе. – Сперва казалось, всё это розыгрыш, а теперь – что сон.

Принесли завтрак в коробках: в пластмассовых мисочках лежало полусырое мясо, булочки, салат, пирожное. Валя от волнения не могла ни есть, ни пить. Вика боялась, что стошнит, как в детском перелёте в Крым.

В аэропорту Арланда встречал не говорящий по-русски заспанный мужчина с табличкой «Валантин Лебед». Он молча довёз их зелёными лесами и роскошными старинными улицами до отеля, оформил на ресепшен и по-английски пообещал, что переводчик им позвонит.

Не менее заспанная администраторша лаконично показала пальцем, в какую сторону лифт в номер, в какую ресторан с завтраком, до которого было несколько часов.

Номер сиял бело-голубым дизайном стен и вазами с искусственными бело-голубыми цветами. На столике висилась горка шоколадок и коробочек. Валя потянулась к ним, но Вика одёрнула:

– Не лапай, сказали, здесь в таузенд раз дороже магазинных. Пожрём на завтраке, а сейчас послипаем.

И они упали на полчаса в уютные бело-голубые кровати, под пышные бело-голубые одеяла, взбитые, как облака за окном самолёта.

Разбудил звонок переводчицы, говорившей почти без акцента:

– Здравствуйте, я – Эльза Сегель, буду работать с вами. Сегодня вы имеете свободный день. Завтра встретимся в холле отеля, когда вы позавтракаете. В программе интервью на телевидении и ужин с представителями телеканала. Запишите мой телефон, если будут проблемы, звоните по карточке.

– Сегодня мы никому не нужны. И что значит «звоните по карточке»? – спросила Валя, положив трубку.

– Фиг его знает. Звони с сотовика, зарплаты Горяича хватит. Халявный завтрак продолжали, халявный обед накрылся... Дура я, не стырила самолётный хавчик.

– Вик, у нас куча долларов. С голоду не помрём.

Они умылись, развесили вещи на плечики.

– Куда прячешь баксы? – спросила Вика.

– В рюкзак.

– Дели на четыре кучки, пакуем в бабкины платки, прячем в четыре сиськи. – Вика достала из чемодана четыре вышитых матерью носовых платочка из тонкой бязи.

– Это Швеция, здесь не воруют, – возразила Валя, но послушалась.

– С нами кент кумарил. Как ты болезнь своей экстрасенсорикой видишь, так видел, где у пипла лопатники. В тюрьме этому учился. Говорил, по походке вижу, есть ли бабло и в каком месте сумки. И сумку надо резать сзади нежно, будто бабочка присела...

Спустились к администраторше, Вика получила у неё код, по которому из Стокгольма звонят в Хельсинки. А возле старого почтамта поменяли доллары на кроны.

По карте из номера добрались до главной торговой улицы Дроттнинггатан, переводящейся как улица Королевы. Она оказалась тесной, с нависающими над головой домами и толпой народу.

– По сравнению с Невским проспектом ваще фуффло, – резюмировала Вика.

Но Валя не была в Санкт-Петербурге и восхищалась смелости оформления здешних витрин и наслаждалась воздухом, пахнущим морем. Казалось, всё это, даже воздух, имеет к ней какое-то особенное отношение.

Шведы и шведки выглядели более свободными, породистыми и жизнерадостными, чем финны, но казались более однообразно вылепленными. Словно были родственниками, по чистой случайности незнакомыми между собой. И одевались иначе, чем финны. Элегантно и продуманно.

Валю удивили и заоблачные ценники в витринах, и уличные артисты. На одном углу улицы Королевы на гитаре играл седой цыган, а девочка лет десяти в пёстрой юбке дёргала прохожих за одежду, чтоб дали монетку. На другом углу худющий молодой африканец, закрыв глаза, лупил по барабану.

– Колотит на дозу, – заметила Вика.

Неподалёку женщина в сарафане и кокошнике, раздвигая руками баян, пела: «Под сосною, под зелёною, спать положите вы меня...» А у её ног пестрела хохломская миска с мелкими монетами.

Позвонила мать:

– Летите или к земле пристали?

– Пристали.

– А я, доча, солянки с колбасой нажарила, пюре набила воздушное, да есть одной тоска. В одеялку заверну, старикам снесу. С ними и поем.

Она не бросала опеку над беспомощными супругами из соседнего дома. Вале с Викой материна солянка и пюре были бы сейчас кстати, но по дороге не попалось ни одного магазина с едой.

– Не фига понтоваться, валим в «Макдоналдс», – предложила Вика. – В кабаке меню на шведском, а мы как два пенька. Завтра с переводчицей нагоним.

«Макдоналдс» на набережной оказался грязным, с высокими ценами и напоминал советскую пельменную худшего образца. Сотрудники без формы разухабисто обслуживали клиентов, и Валя вспомнила Сонины слова, что у них «Макдоналдс» посещают только бомжи и школьники.

Валя впервые посетила «Макдоналдс», из всего меню понравился только молочный коктейль в картонном стакане. В гастрономе возле медучилища за десять копеек наливали полный гранёный стакан этого пенного чуда, по стеклу гранёного стакана было приятно стучать зубами, и он отзывался словно набитый ватой.

– Отстой, – поморщилась Вика. – Наш «Макдоналдс» – Большой театр по сравнению с этим.

Потом брели вдоль набережной, оккупированной яхтами со спущенными парусами. И голых мачт было столько, что море и небо за ними казались ровно заштрихованными чёрным карандашом.

Вика щелкала затвором фотоаппарата, а Валя раз двадцать набирала Сонины телефоны, но та не брала трубку. В супермаркете растерялись. Поди пойми, что внутри упаковок. И цены конские. Решились на шмат нарезанного хлеба, кусок нарезанного сыра и пакет сока.

Но всё это казалось мелочами на фоне Валиной свободы от назойливых приветствий и любопытных взглядов. А Вика без очков с простыми стёклами и со стрижкой пикси, как у Деми Мур, впала в подростковое буйство.

Уходились так, что упали спать замертво. А утром разбудил солнечный зайчик, который запускала надраенная металлическая деталь на здании Старого почтамта.

– Вставай, а то всё сожрут! – затормошила Валю Вика. – Готовь пакет, тырить бутерброды.

В ресторане был накрыт щедрый шведский стол.

– Как думаешь, всё можно брать? Или что-то одно? – шёпотом спросила Валя.

– Хлеб чётко порезан, – сосредоточенно ответила Вика. – Берём хлеб, ветчину, колбасу, масло в упаковке и пироженки. Гомогенное жрём здесь.

– Гомогенное – это что?

– Что не пихается в пакет. Фигасе, смотри, сколько у них разных селёдок!

Валя думала, умрёт со стыда, когда Вика будет запасаться бутербродами, но это никого не волновало. Публика в основном ела хлопья с молоком и йогуртами, и только громко болтавшие американцы за соседним столиком наворачивали фрикадельки.

Переводчица Эльза Сегел оказалась примерно Валиного возраста и блестяще говорила по-русски – учила его в институте. На ней были жёлтые кеды, платье-балахон болотного цвета и рюкзак того же болотного цвета.

Ни грамма косметики, волосы мочалкой. И было неясно, то ли это тщательно продумано, то ли случайно выглядит стильно, как всё у шведов.

Эльза посадила их в старенький автомобиль и повезла на экскурсию по многоуровневому Стокгольму. Сложносочинённые дорожные развязки подчёркивали его ярусы, а у огромного королевского дворца ловили рыбу и раков.

– Экологическая полиция разрешает их есть, – кивнула Эльза.

– На ужин наловим, в электрочайнике сварим, – прикинула Вика. – Где тут достать сачок?

– Ловить раков закон разрешает только гражданам Швеции, – охладила её пыл Эльза. – Можно попасть втюрьму.

– Фигасе, ваш швед нашу рыбу запросто ловит, а меня за раков в тюрьму? – рассердилась Вика.

Но тут, что называется в тему, появились две суровые полицейские красавицы на лошадях. Одна – соломенная блондинка, вторая – жгучая азиатка.

– Эти Мальвины у вас типа преступников ловят? – фыркнула Вика.

– В Швеции профессии не делят на мужские и женские. Девушки имеют высокий уровень подготовки в борьбе и владении оружием, – разъяснила Эльза, и Вика стала вертеть шеей, чтоб получше рассмотреть девиц.

– После экскурсии обед в культурном центре, потом встреча с тремя журналистами на телевидении, – добавила Эльза.

– В чем цель моей поездки? – осторожно спросила Валя.

– Переводчикам это не сообщают, только дают программу, – развела руками Эльза.

Машина выехала на очередную набережную, и перед глазами выросли многоэтажные круизные лайнеры.

– Вот они! Вот они! Нам надо на паром в Хельсинки! Скажи Эльзе, как я крушение парома «Эстония» с бубном наюзала? – завопила Вика.

– Не кричи, – попросила Валя. – Соня не берёт трубку, без неё в Хельсинки заблудимся.

– Стокгольм – Хельсинки – яркий круиз, в мире нет ничего красивей наших шхер! – вмешалась Эльза. – В программе визита можно сократить экскурсии, выехать завтра, чтобы вернуться к самой важной встрече. Я помогу купить билеты на «Викинг» и посажу вас на паром.

– В Хельсинки наша френдесса, – объяснила Вика. – Обидка будет, если не заскочим.

– Паром стоит в Хельсинки недолго, но вы успеете пообедать и погулять с ней, – сказала Эльза.

Обедали в здании Культурного центра, выходящего стеклянными стенами на площадь Сергельстронг. Посреди площади на солнце сияла колонна из нагромождённых стеклянных кубов, а вокруг били струи фонтана.

– Чё за хрень? – скорчила рожу Вика.

– Скульптура Эдвина Эстрема «Кристалл». Недавно наверх залезли два пьяных студента и не могли слезть вниз, – улыбнулась Эльза. – Весь город волновался, пока их не сняли, всё время шла информация в новостях.

– И чё тут скульптурного? – Вика неохотно сфотографировала «Кристалл».

А Валя с грустью подумала, что весь город Москва почти не заметил взорванного вагона метро. Потому что к взрывам привыкли.

– Это образ света и свободы. Шведы любят простые прямые линии, – растолковала Эльза.

Этаж Культурного центра, где проходил обед, напоминал образцовую столовую с большим выбором понятных блюд. Но помимо этого имел сцену. И Эльза предупредила, что здесь намечена Валина встреча со стокгольмцами.

Охрана унылого здания телевидения, тоже состоящего из «простых прямых линий», придирчиво изучила их паспорта. В большом кабинете, где стояли столы с компьютерами, ожидали журналист с фотографом.

Совершенно одинаковые среднеарифметические шведы. Поменяйся они местами, Валя бы их перепутала. Журналист сказал, что его интересует эксклюзив, и задавал через Эльзу банальные вопросы – про телевидение, российские женские судьбы, Ельцина.

А под конец оживился и стал с нажимом расспрашивать про русскую проституцию, подчёркивая, что это большая проблема для Швеции. Валя в ответ отшутилась.

Фотограф попросил выйти на улицу попозировать. Эльза сказала, это очень модный фотограф. И Валя покорно пошла за ним через охрану. На улице шёл дождь, фотографа это не смутило.

Он объяснил знаками, каким образом надо позировать, прижимаясь к стене здания. Валя мгновенно вымокла до нитки, боялась, что потекут накрашенные ресницы, а фотограф всё щёлкал и щёлкал затвором, словно и сам был непромокаемым.

Когда вернулись, с Валиных волос буквально текло, и Эльза принесла из туалета пачку бумажных полотенец. Тут появились следующий журналист с фотографом. Более пожилые и более интеллигентные.

К изумлению Вали, журналист тоже заявил про эксклюзив, но задал те же вопросы, что и предшественник, и ровно в том же месте переключился на тему проституции. Эльза переводила как автомат. Но когда фотограф предложил выйти под дождь для съёмки, Валя категорически помотала мокрой головой.

Эльза перевела отказ, и журналист с фотографом поражённо переглянулись, не понимая, почему русская телеведущая капризничает с сотрудниками такого влиятельного журнала.

Тут, конечно, позвонила мать, она умела выбирать время:

– Слышь, доча, с грузовика у подъезда картоху продают. Такая вся крупная, гладкая. На рынке в два раза дороже. Мы с Галькой-соседкой наверх мешок допрём.

– Не таскай тяжёлое! – попросила Валя.

– Всего один мешок и возьму...

Третья команда слегка отличалась от двух первых. Некрасивая молодая халда, одетая так, чтобы из всех сил подчеркнуть собственную непривлекательность, совсем не подготовилась к интервью.

– Расскажите о любви русских. Как изменилась жизнь женщин в России? Чему вы научились в Швеции за это время? Вам нравится Горбачёв? Разве он уже не президент? Как вы относитесь к русской проституции?

Сопровождающая журналистку хорошенькая девица с ярко-синими волосами и фотоаппаратом подошла к стене, присела на корточки и обратилась к Эльзе.

– Она будет снимать вас в такой позе, – перевела Эльза.

– Я телеведущая, а не фотомоделё! – не выдержала Валя.

– Мы не можем воспользоваться здесь компьютером, чтоб узнать расписание паромов в Хельсинки, – призналась Эльза, хотя пространство кабинета было набито компьютерами.

– Тогда экскурсию по телецентру, – потребовала Вика.

– Этого нет в программе, пропуск только сюда.

Валя удивилась, в Останкино иностранных телевизионщиков принимали хоть и с сопровождением, но радушно. Водили по телецентру, показывали студии, сажали за накрытый стол.

– Фигасе, уважение к русской телезвезде! Может, им на память окошко разбить? – пригрозила Вика.

– Тогда попадёте в тюрьму, – испугалась Эльза, минутку помедлила и добавила: – Но я приглашаю вас к себе.

– У вас тут за любой чих в тюрьму? – удивилась Вика.

Эльза жила в красивом многоквартирном доме. Внутренний двор, превращённый в сад, запирался от чужих.

– Когда тепло, пьём кофе на улице. – Эльза кивнула на деревянные столы со скамейками. – Мы, шведы, любим комфорт.

В просторной трёхкомнатной квартире было уютно. А светлая минималистская мебель не отвлекала от ярких авангардистских картин, вроде тех, что малевал когда-то Вася.

– Снимаю квартиру и сдаю одну из комнат замечательному парню, – рассказала Эльза. – Он гей, никогда не мусорит и не напивается. Сейчас узнаем расписание «Викинга» по интернету.

Валя видела интернет у Эдика, но не понимала, как он устроен. А Вика уселась с Эльзой к компьютеру, и они быстро нашли билеты на двоих в Хельсинки и обратно в каюте улучшенной планировки без окна, но с феном.

Рачительная Эльза подчеркнула, что в переводе со шведских крон они всего по сто долларов и нет смысла доплачивать за окно – смотреть на море лучше с палубы.

– Без окна? Как в обезьяннике? – запротестовала Вика.

– В старом центре есть дома с нарисованными окнами. Когда-то у нас за каждое окно брали налог, ведь чем больше окон, тем меньше покупают свечей и меньше дохода в казну. И те, кто хотел показать богатство, рисовали на стене ложные окна.

– Налог на окна? Крезаторий какой-то, – засомневалась Вика.

– Бабушка рассказывала, у нас был налог на печные и банные трубы, – поддержала тему Валя. – Из-за него строили бани без труб, их звали бани по-чёрному. У бабушки была такая баня.

– Бани без трубы? – не поняла Эльза. – Можно умереть от дыма!

– Сперва на пол стелют солому и хвойные ветки для запаха. Потом четыре часа топят, выносят угли, золу, полтора часа проветривают. После этого парятся и вешают одежду, чтоб вытравить заразу, грибки, паразитов. Это же природный антисептик. – Валя с удовольствием вспоминала бабушкину баню. – Раньше и рожали в чёрной бане, там чище, чем в операционной! Считается, бани по-чёрному спасли Россию от чумы!

– Швецию чума опустошила. Вы интересуетесь медициной? – догадалась Эльза.

– Я – целительница, у меня свой кабинет. А телевидение – так, – смутилась Валя. – Волной вынесло.

– Большая волна, если вы представляете целый телевизионный канал, – улыбнулась Эльза. – Как вы лечите?

– Она глазами видит, где у чела болит, и лечит руками, – встряла Вика.

– О, вы – һаха? – вытаращила глаза Эльза. – Это по-шведски ведьма...

– Бабушка передала дар. Но у меня диплом массажистки, ещё я училась в специальном университете другим техникам, – уточнила Валя.

– Мой русский муж рассказывал о русском колдовстве. Шведы очень рациональны, но меня интересуют такие вещи, – обрадовалась Эльза. – Я покажу вам мистические места Стокгольма.

– Места, где жгли ведьм? – оживилась Вика.

– В Швеции сожгли много женщин. – Эльза перешла на экскурсоводческую интонацию. – Первой сожгли тринадцатилетнюю Гертруду Свенсен, она призналась под пытками, что летала с соседкой на гору Блокулу, где собираются ведьмы. Призналась, что ходит по воде и ворует детей. Из-за её показаний живыми сожгли семнадцать человек: двух взрослых и пятнадцать детей...

– Упыри! – выдохнула Вика.

– Теперь надо в банк, взять деньги, – поменяла тему Эльза. – Билет продают за шведские кроны, финские кроны или доллары.

- Зачем в банк? – хором переспросили Валя с Викой.
- Вы снимете деньги с карточки и передадите мне.
- Деньги со мной, – призналась Валя.
- У русских так бывает, – кивнула Эльза. – Но если носить деньги, их могут украсть.
- Могут, – согласилась Валя. – Я зайду в туалет?
- Конечно, вон туда.

Было стыдно признаться, что доллары спрятаны в бюстгальтере. Валя зашла в просторный туалет, где тоже висели картины в Васином стиле, а возле раковины стояли горшки с цветами. Торопливо достала двести долларов, переложила в карман джинсов, спустила воду и стала мыть руки, вдруг Эльзе слышно.

В отель ехали на метро, Эльза объяснила, провожая их:

– Вечером у вас другой переводчик. Из Болгарии. Я поставила машину в гараж, еду в гости и там ещё неделю назад запланировала выпить вино.

Валя с Викторией прислули от такой конструкции фразы и такой конструкции жизни.

– Шведы планируют всё до мелочей. Мой русский муж тоже смеялся, – добродушно ответила Эльза. – Он резал весь пирог на куски, не понимая, что куски станут твёрдыми, если сразу не есть. Шведы всегда сами отрезают кусок, какой хотят съесть.

– Крохоборы, – отозвалась Вика.

– Шведам важна справедливость, есть правило последнего куска. Кто-то может опоздать на вечеринку, и последний кусок мяса или торта не ест никто.

– Вот тут уважаха, – согласилась Вика.

– Это наша новая линия метро, она красиво оформлена. Газеты писали, в том лифте, над вестибюлем в час пик изнасиловали женщину. Она кричала, но никто не вызвал полицию. Шведы отстраняются от чужих проблем. Это большая проблема.

– Последний кусок важнее человека? – ехидно спросила Валя.

– Шведы привыкли защищать свои границы, из-за этого не всегда понятно, куда можно вмешаться, куда нельзя. Например, если взрослый обижает ребёнка, надо вызвать полицию, а не делать замечание, – объяснила Эльза.

Некоторые станции метро показались странными, а в одной своды из необработанного камня нависали над людьми и поездами, словно угрожая рухнуть. От такого архитектурного решения Вале, с её «карельским» сюжетом об отце, засыпанном в прошлой жизни камнями, стало не по себе.

В отеле Валя прилегла от усталости на кровать.

– Журналисты выжрали всю твою энергию, – посочувствовала Вика, поставив чайник и накрывая на стол для перекуса. – Лажово было б сейчас без бутеров к чаю. Эльза найсовая, но могла хоть водички налить.

– У них не принято. Откуда чай?

– Чай, сахар, джем, кетчуп и майонез скоммуниздила на завтраке вместе с бутерами. Полежи до кабака, я тебе всё притащу в постель.

Ресторан, отмеченный Эльзой на карте звёздочкой, куда Валя с Викторией отправились, отдохнув, находился неподалёку на набережной и выходил окнами на море. Их провели за столик, где ожидали две женщины и два мужчины.

Один из мужчин представился переводчиком родом из Болгарии, звали его Светлан. Остальные, видимо, были телевизионщиками и тоже показались Вале совершенно одинаковыми.

Валя с Викторией вырядились для ужина, как сказала бы мать «расфуфырились», а приглашающая сторона была одета нарочито просто. Все четверо подали Вале визитки на шведском, и пришлось извиниться, что у неё нет визитки.

Валю посадили к окну, мимо которого плыли яхты с разноцветными парусами, рушащими штамп «Белеет парус одинокий...», пропетый накануне приютскими сиротками.

– Что будете пить? – спросил Светлан.

– Чай. – Валя волновалась, что придётся сдавать этим телевизионщикам экзамен, непонятно, по какому предмету.

– А сами шведы чё дринькают? – поинтересовалась Вика.

– О, это длинная история, – улыбнулся переводчик. – Но сначала сделаем заказ. Мясо или рыба?

Валя попросила то же, что всем, и принесли блюдо с пугающим названием «щелькнёль». Слава богу, оно оказалось не морепродуктами, которых Валя так боялась, а лосятиной, маринованной в можжевельнике. Вика нашла меню на английском и выпендрёжно потребовала селёдку, запечённую в яичных желтках.

– До девятнадцатого века местная вода была опасна для здоровья, и все, даже дети, пили пиво или лёгкий напиток «Svagdricka», – поставленным голосом начал Светлан.

– А считают, что главные киряльщики русские! – заметила Вика.

– Шведское пьянство достигло такого масштаба, что во время Первой мировой войны запретили свободную продажу алкоголя и выдавали книгу с карточками, где ставили штамп, что вы купили алкоголь.

– У нас недавно водка тоже была по талонам, – усмехнулась Валя.

– У вас не контролировали, сколько вы купили помимо талонов. Даже сейчас крепкий алкоголь продают здесь специализированные магазины «Системболагет», и только если вам двадцать лет. В барах можно пить с восемнадцати, но алкоголь в барах и ресторанах ещё дороже.

– Где демократия? – возмутилась Вика.

– Демократия в том, что население за это проголосовало, – подчеркнул Светлан.

Валя всё время вздрагивала от звона битого стекла, и переводчик объяснил, что бармен бросает в железный бак пустые бутылки, которые не принимают на переработку, чтоб они не занимали места.

Никого, кроме Вали, это почему-то не волновало. Валя отметила, что у шведов железные нервы. «Щелькнёль» оказался таким вкусным, что Вика таскала куски из Валиной тарелки, не притронувшись к своей диковинной селёдке. Разве что сфотографировала её жёлтые бока.

Пригласившая сторона общалась странновато:

– Нам очень приятно, что вы приехали... Сотрудничество представляется нам теперь очень важным... В России всё изменилось... В этом году Швеция опередила Францию, Италию, Австрию, Финляндию по количеству инвестиций в вашу экономику... Мы восхищаемся Ельциным! Он был эффектен, стоя на танке! Вы едете завтра паромом в Хельсинки? «Викинг-гом»? А вы успеете на обед с руководителем канала послезавтра в двенадцать? В Хельсинки нечего смотреть, а вы ещё столько не увидели в Стокгольме! Не ходите вечером в центр... Там панки, это очень опасно... Было приятно провести с вами вечер...

– Зачем они нас пригласили? – спросила Валя переводчика.

– Это демонстрация дружественного отношения к России. В Швеции всё забюрократизировано, – объяснил Светлан. – Ещё они просят освободить номер на время поездки в Хельсинки.

– Как это? – испугалась Валя.

– Вернувшись, получите другой номер.

– А чемоданы? Мы же не потащим их в Хельсинки.

– Сдадите до завтрака в камеру хранения отеля. Вернётесь в десять утра, два часа погуляете по Старому городу и сразу на обед с главой телеканала. Здесь так принято. Шведы не хотят оплачивать пустой номер.

Вика было открыла рот, но Валя наступила ей под столом на ногу.

– Напрасно вы купили билеты на «Викинг», это же «пьяный рейс», – добавил Светлан.

– Ну ты терпила! Побомжьте пару часиков, уважаемая звезда, на лавочке! – зашипела Вика, когда вышли из ресторана. – И мне не дала наехать!

– Ты бы пообещала разбить на память окошко, а я не хочу, чтобы русских считали хулиганами, – стала оправдываться Валя, хотя и чувствовала себя уязвленной.

– «Не ходите вечером в центр... Там панки, это очень опасно...» – передразнила Вика. – Прикинь, зашли три торчка с ирокезами, сели у тебя за спиной. Взяли по пиву, потрещали, как ботаны, и тихонько свалили. Говно, а не панки! И шведы их боятся!

Было униительно снимать с вешалок и укладывать вещи.

«За свои деньги едем на пароме, а нас за это выставляют на улицу, – злилась про себя Валя. – Попробовали бы они выставить Аду!»

Утром, сдав вещи в камеру хранения, Валя уже ничуть не смущалась, когда Вика записывала в пакет бутерброды.

В круиз надели джинсы, футболки и кроссовки, кинув в рюкзаки по свитеру. Небо было ясным, столики вынесли на улицу, где постояльцы отеля расслабленно попивали кофе.

Первой заорала пожилая француженка, и все за её столиком повскакивали – у стены соседнего здания грелась на солнышке большая старая крыса. Молодые немцы за соседним столиком загоготали и стали кидать в неё кусочками хлеба.

– Фигасе, Европа! – завопила Вика, достала фотоаппарат и сфотографировала крысу.

Крыса, раздражённая вниманием, встала и старческой походкой побрела прочь.

– Прикинь, какие тучи с той стороны, возьмём из отеля зонтик, – заметила Вика.

– Зонты с эмблемой, – засомневалась Валя. – Подумают, что мы украли.

– Тебе не пофиг, что подумают те, кто выпер тебя из номера?

Соня так и не взяла трубку, решили позвонить ей из Хельсинки, вот мы, как снег на голову. Уселись в Эльзин старенький автомобиль и поехали по городу.

– Нам велели сдать номер, пока плаваем! – пожаловалась Вика.

– Шведская экономика переживает кризис, все считают эре, – равнодушно ответила Эльза и пояснила: – Крона состоит из эре.

– Так вы же самые счастливые люди на планете, создавшие «шведскую модель»? – Валя часто слышала это из телевизора.

– Наше «счастье» – это налоги в шестьдесят процентов. Русские будут платить шестьдесят процентов?

– У нас все уходят от налогов, – согласилась Валя, постыдившись добавить, что и она тоже.

– Богатые шведы тоже не хотят столько платить и берут паспорта других стран. Спортсмены, группа АВВА. Астрид Линдгрэн однажды насчитали налог в сто два процента! – воскликнула выдержанная Эльза. – Мой русский муж смеялся, что я плачу один процент от дохода за свой старый телевизор!

– За телевизор???

– Мои родители имеют дом в Вестергетланд, но там скучно. А здесь я много работаю, но не могу взять кредит на квартиру, чтобы сделать себе ребёнка. Сдаю одну из комнат, но не могу купить новую машину!

Валя с Викой в недоумении переглянулись.

– У нас тоже тяжело купить квартиру в столице, – посочувствовала Валя. – Я много лет зарабатывала на квартиру в Москве.

– Вы – колдунья и сделали это колдовством, – пошутила Эльза.

– На квартиру я заработала массажем. До сих пор снится, стою и бесконечно делаю массаж, и во сне ломит руки и плечи...

– Поставим машину, дальше её не пустят. – Эльза повела их мощёными средневековыми улицами на площадь, любой снимок которой выглядел бы открыткой. – Это Сторторгет, сердце города для собраний, базаров, праздников. В тысяча пятьсот двадцатом году завоевавший нас датский король Кристиан Второй собрал на коронацию высший свет и вместо коронации сделал казни. Убили около сотни епископов, членов риксрода, стокгольмских бургомистров, знатных горожан. Это вошло в историю как «Стокгольмская кровавая баня».

Эльза показала рукой на ярко-красное здание:

– Вот дом Йохана Эберхарда Шанца, секретаря короля Карла Десятого. На нём девяносто два белых камня – это души убитых Кристианом Вторым. Если камень вытащить, призрак убитого будет бродить и искать врагов. По легенде, в годовщину казней из стен красного дома течет кровь.

– Фу, – поморщилась Вика.

– А вот Шведская академия, она присуждает Нобелевскую премию по литературе. Ещё тут Музей Нобеля и Нобелевская библиотека. Видите дом на пересечении двух улиц и в нём рунный камень? – показала направление Эльза.

Над пёстрыми булыжниками фундамента заплаткой торчал здоровенный серый камень, изрезанный красными линиями.

– Викинги ставили валуны с надписями на месте важных событий, через несколько столетий их откопали, чтоб укреплять фундаменты. Этот камень – могильный, на нём надпись: «Здесь поживает сын Торстена и Фрегунн...» – торжественно произнесла Эльза.

– Блин, у вас тут кругом кладбище! – воскликнула Вика.

– Мой русский муж говорил, что в России на главной площади лежит мумия и в стенах – урны с прахом, – парировала Эльза, обиженная непочтительностью к руническому камню. – А эти камни ставились викингами в девятом – одиннадцатом веках!

– Ну, тогда круто, – вяло смирилась Вика.

После Эльзиных историй Стокгольм, сколоченный из островов, казался Вале окровавленным каменным узором, но действовал на неё гипнотически. Словно перемешивал в подвалах памяти что-то важное, но не переводимое в слова.

– Теперь на «Улицу палача». Палачом в Средневековье работал преступник, искупая этим вину. Он казнил, пока суд не назначал нового палача, и новый палач казнил старого, – повела их дальше Эльза.

– Всё просчитано, как с нашей гостиницей, – скривилась Вика.

– В полночь «час обхода теней». Призраки обходят Старый город. Кто не верит, включают музыку или гоняют на авто, но в музыке начинаются помехи, а моторы ломаются. Я специально выбираю объекты, которые интересны колдунье, – напомнила Эльза.

– Пурга для туристов, – вставила Вика.

– Так замечательно рассказываете, что появляется ощущение причастности ко всему этому, – сгладила её комментарии Валя.

– Теперь нам в переулок Мортена Тротцига. – Эльза повела их к крошечному проходу между домами. – Это самая узкая улица города.

– Сколько здесь сантиметров? – спросила Валя.

– Девяносто. Мужья прятались в питейном заведении переулка от жён, а жёны не могли пройти сюда из-за кринолинов.

– Зачем строить дома так близко? В комнаты не попадает солнце, жизнь как в колодце, – удивилась Валя.

– Наши острова маленькие, а все, кто любит солнце, уезжают из города и строят дома далеко от соседей. Теперь для улучшения настроения идем к «Мальчику, смотрящему на луну».

Эльза привела их каменными зигзагами к Финской церкви, во дворе которой стояла крошечная скульптура схематично отлитого человечка, сидящего, обняв колени.

Она не впечатляла, хотя постамент был усыпан монетами и конфетами, на голове фигурки красовалась кукольная соломенная шляпка, а вокруг толкались туристы с фотоаппаратами.

– Мальчик исполняет желания. Надо погладить его по голове, оставить монетку, конфетку, цветок. Кому очень важно желание, надевают на него шапочки, курточки, шарфики. Снимите шляпку, погладьте его по голове, – предложила Эльза.

– Какая-то могила абортированного! – продолжила Вика в своем репертуаре. – Чистый эмбрион, даже фейсик не сформировался.

– Тише, – сконфузилась Эльза. – Здесь могут быть русские туристы!

Эльза повела их в знаковое кафе, столики были у входа на улице, но она предпочла подвал с мрачными кирпичными сводами. И предупредила, что это бывшая тюрьма, где сидел убийца короля Густава Третьего и откуда шли подземные ходы в Королевский дворец.

– Тюрюга, как мне и обещали, – хихикнула Вика.

– Мы должны заказать национальные блюда, – велела Эльза. – Суп на основе пива? Гороховый суп и к нему блины с брусничным джемом? Устричный суп-крем?

– Нет, – взмолилась Валя. – Что-нибудь попроще.

– Гороховый суп с джемом, угарно! – оценила Вика.

– Шведы едят брусничный соус и джем к мясу, каше, блинам. У вас в программе знакомство с национальной кухней, я обязана выполнить этот пункт, – покачала головой Эльза, не понимая, слушаться Валю или программу её визита.

– За тем столом в тарелках рыба с картошкой, – взмолилась Валя. – Нам так же!

– На пароме есть шведский стол, там много нашей кухни, – порекомендовала Эльза.

А когда перешли к кофе с местными вафлями, рассказала:

– В нашем фольклоре много чудовищ, но главное – злой дух Мара, она насылает страшные сны и душит спящих. Мары скачут ночью на коровах, и у коров пропадает молоко. Чтоб уберечь коров, у двери кладут две перекрещённые косы. Некоторые люди превращаются в Мар, а некоторые насылают Мар на других. Но если Мара наступит на лезвие, порез будет не на ней, а на том, кто её наслал...

– Фигли шведы прибили финских шаманов, если верят в духов? – спросила Вика.

– Шведы хотели, чтоб финны и лопари стали христианами, но они так и остались язычниками. В некоторых деревнях шаманы и сейчас нарекают новорождённых до крещения, – подтвердила Эльза. – Карелы тоже практикуют двоеверие.

– Карелы? – эхом переспросила Валя.

– Мой русский муж говорил, что деревенские карелки умели останавливать кровь и огонь, просто поведив руками... – улыбнулась Эльза.

– Откуда он знает? – уцепилась Валя за ниточку.

Она же видела на сессии регрессионной терапии, как её мать Соня-Окку движением руки погасила их подожжённый дом.

– Он из Сортавалы. Десять лет назад я переводила пожилым супругам, мы ездили смотреть места, где жили их предки. Сортавала принадлежала то Швеции, то Финляндии, то России, – рассказала Эльза. – Супруги и я получили «визу ностальгетиков». В СССР не пускали без важной причины, это считали важной причиной. Мой русский муж работал экскурсоводом, он показал нам Сортавалу и Рускеалу.

– Вы были в Рускеале??? – поразились Валя.

– Мраморный каньон Рускеалы – одно из самых красивых мест, какие я повидала. Мой русский муж вёл машину и открыл всё про свою жизнь. – Было видно, насколько сдержанной

Эльзе приятно поговорить про него. – Когда возвращались, он попросил сделать ему паспорт Швеции.

– Фигасе! – покачала головой Вика.

– Он красивый, и тогда у меня не было мужчины, – кивнула Эльза без всяких эмоций.

– Вы расстались? – спросила Валя.

– Мы интересно жили, но, когда ему дали паспорт, я сказала, сними квартиру. Для этого надо показать, что можешь платить – что есть работа или доход. Он не хотел плохую работу, он хотел работать королём Швеции и не думать, что каждый месяц приходят счета.

– Кажется, вы любите его до сих пор, – заметила Валя.

– Он дал мне такой русский язык, он дал мне русскую литературу. Но он делал любое дело не до конца. Сначала говорил, виноват СССР, но не доводил до конца здесь, а теперь в Америке.

– Чем он там занимается?

– Возит пиццу. Когда возьму кредит на квартиру, он прилетит и сделает мне ребёнка. Если нет отца, у нас большое пособие и льготы, – буднично добавила Эльза.

– Он карел? – клонила Валя в свою сторону.

– Русский. Там мало карелов. Был геноцид карелов, они переходили к шведам, к финнам, но хотели жить с Россией. А после революции русские сделали им репрессии и переселение, – заученно сказала Эльза. – Русский муж возил меня в деревню, где были рунопевцы. Теперь, наверное, их не осталось ни у карелов, ни у финнов...

– Вы называли рунами камни с надписями.

– Руны – также магические песни, песни-заговоры. Они прошли через меня как стрелы, – задумчиво сказала Эльза, и глаза её заискрились. – Я понимала все слова этих рун, хотя у нас разные языковые группы. Впала в экстаз, как покурила травы.

– Культурный приход, – хмыкнула Вика.

– Может, просто были там в прошлой жизни? – мягко спросила Валя.

– Как это? – не поняла Эльза.

– Есть такая психотехника – регрессионная терапия, человек выздоравливает, просмотрев свои прошлые воплощения.

– Русское колдовство? – улыбнулась Эльза.

– Мой преподаватель учился этому в Европе.

– Это очень интересно, но пора на паром.

Когда вышли из мрачного тюремного подвала, на улице вовсю хлестал дождь. От кафе до машины было близко, и, пока ехали, улицы преображались в стеклянном занавесе дождя. Неяркие здания заиграли новыми красками, словно дождь смывал с них Эльзины некрофильские сюжеты.

От машины до теплохода было серьёзное расстояние. Зонта с эмблемой отеля на троих не хватало, Валя с Эльзой поставили Вику в середину, а сами бежали с боков.

– Эту прошлую жизнь видят из-за наркотиков? Один психолог говорил про «лиану смерти». Он ездил к шаманам в Северную Америку! – крикнула сквозь дождь Эльза, когда они мчались к причалу.

– Что такое «лиана смерти»? – крикнула Валя.

– Индейцы варят растение и видят всё в другом мире! Но можно умереть! Этот психолог там почти умер! Потом лечился! – закричала в ответ Эльза.

– В регрессионной терапии нет наркотиков, а сессии проводит обученный человек, – крикнула в ответ Валя, ужасаясь, что её правый бок можно выжимать, а запасной одежды в круиз не взяли. – Я прошла такую сессию, видела себя в прошлой жизни колдуньей-карелкой. Но меня и до сессии тянуло «в вашу сторону», как и вас тянуло к русскому языку и русскому мужу...

Но Эльза не расслышала и помотала на бегу головой:

– Я поняла, это колдовство!

Паром был многоэтажным, ослепительно-белым сверху, ярко-красным снизу и опоясанным узкой синей полоской.

– Размалёван под рашен флаг, – подметила Вика.

А Вале снова показалось, что она снимается в кино, где героиня, живущая шикарной жизнью, отправляется в круиз на роскошном плавучем сооружении. Хотя и вдребезги промокшей.

– «Викинг» старый и красив внутри, – объяснила Эльза; они стояли втроем под зонтом возле проверяющего билеты. – Я забыла, что у вас нет финской визы. На пароме её не проверяют, но когда будете выходить на берег, не разговаривайте по-русски. И важно не попасть в полицию или тюрьму.

– Опять в тюрьму? – всплеснула руками Вика.

– Этот паром – чтоб мужчины могли дешево пить алкоголь. И делать секс. Его называют «пьяный рейс». Вечером будьте осторожны! – добавила Эльза.

Внутри паром был отделан со старомодной роскошью, человек в форме показал, откуда спускаться на лифте в каюту нижнего этажа. Отсутствие окна в каюте стыдливо маскировала занавеска.

Про финскую визу Валя тоже не подумала, а теперь и думать было поздно. Главное, чтоб Вика не нарвалась на скандал.

– Думала, Эльза робот, типа Свена, – сказала Вика. – А она – вполне чел. Помнишь, как заорала про свои шведские налоги?

– Любит этого русского мужа, только говорит о нём как о пуделе, которого взяла на передержку.

– Он и есть пудель.

– Как Эльза сказала? «Лиана смерти»?

– Кенты про такое говорили. От неё копыта откинуть – как два пальца об асфальт.

– Вернёмся, расспрошу у Льва Андроновича.

Они вышли на палубу полюбоваться отплывающим от них Стокгольмом. Дождь не прекращался, одежда быстро промокла до белья, а полные воды кроссовки леденили ноги.

Вернулись в каюту, стали сушить одежду феном. Кроссовки быстро не сохли, но было обидно сидеть без окна, плывя по такой красоте. Исследуя тёплые внутренности парома, набрали на магазин дьюти-фри, где продавались алкоголь, косметика и немного одежды.

– Быстро бери вон те четыре пары носков со скидкой! – скомандовала Вика, показав на огромные серые мужские носки. – Потом въедешь.

В каюте она вытащила из мусорниц комнаты и ванной два целлофановых пакета.

– Сухой носок, сверху пакет, сверху снова сухой носок! Тепло, как в валенках. Все нарки в холода так делают, – объяснила Вика. – У тебя ж нога гуливерская, на мой сайсик сойдут пакеты для прокладок из ванной. Прикинь, на мешке для стирки пишут, что носки постирать – три бакса! Да я за три бакса всему кораблю носки постираю!

Ноги мгновенно согрелись в «компрессах», Валя с Викой утеплили подсушенные футболки свитерами и снова отправились на нос корабля.

Мимо них плыли набитые зеленью шхеры – отмытые дождём крохотные острова с уютными домиками, пафосными усадьбами, изящными садами и игрушечными пристанями.

«Викинг» осторожно лавировал между ними в завораживающей тишине, где отчётливо похрустывали крылья зависших над головой чаек.

А возле островов скользили по глади отбеленные накрахмаленные лебеди, такие же, как на свадебном торте пациентки Наташи и бандита Толяна. Вале казалось, что попала в сказку, а Вика не уставая фотографировала.

– Типа ржу: потонет паром, как тот, что я с бубном наюзала. Схлебнётся без швов, мы всплывём, и газеты напишут: «Русская телезвезда с целлофановыми пакетами на ногах и баками в лифчике»! – нафантазировала Вика, и обе расхохотались.

Вернулись внутрь теплохода, где бойкие старушки истязали игральные автоматы, а остальной народ штурмовал буфеты и бары. Возле самой внушительной очереди нашли табличку, из которой Вика поняла, что это рекомендованный Эльзой шведский стол.

Очередь стояла в кассу предварительной оплаты, Вика хотела задать кассирше вопросы, но остановилась, издав радостный вопль:

– Вау! Мы их сделали!

Возле кассы висело небольшое объявление по-русски. Оно описывало порядок регистрации на шведский стол и объясняло, что начинать ужин стоит с холодных закусок, потом переходить к горячим, и только после этого...

– Ясный перец, русские же сперва жрут компот, а потом селёдку! – хмыкнула Вика.

Оплатив шведский стол, присели в музыкальном салоне, где за соседним столиком оказались два пьяненьких стареньких шведа.

Один – сморщенный, со шкиперской бородкой, в костюме с оранжевым галстуком. На фоне местной цветовой гаммы это выглядело полным отрывом. Второго – полного и мордатого с огромными мешками под глазами – обтягивало подобие спортивного костюма.

– Рюсска? – повернулся мордатый к Вале и добавил: – Карашо! Горбачёв!

И его старческие красные глазки стали масляными.

«Диабетик и почечник, – подумала Валя, – куда ему ещё пить?»

И отвернулась. Тем временем сморщенный с бородкой подмигнул Вике и показал на стойку бара:

– Дринк?

– Эта жёваная обезьяна меня клеит, – прыснула она.

– Слышала же вопросы журналистов, они тут всей страной сдвинуты на русских проститутках, – напомнила Валя.

Сморщенный с бородкой о чём-то спросил Вику по-английски. Она вежливо поддержала беседу. Валя понимала отдельные слова, речь была об ужине на шведском столе. Потом Вика резко вскинула фотоаппарат, сфотографировала старичков, не успевших отвернуться, и предупредила Валу:

– Ща эти тухляки поставят мировой рекорд по лёгкой атлетике!

После чего отчеканила фразу, из которой Валя поняла только слово «школа». Старички вспорхнули как мотыльки со своих кресел и с неожиданной для их возраста скоростью скрылись из салона под Викин хохот.

– Что ты им сказала? – покачала головой Валя.

– Что несу фотку капитану, пусть пакует их в тюрягу, раз мне, школьнице, предложили секс за деньги!

– У нас нет финских виз. Будь аккуратней, – попросила Валя.

– Это ж голимый педофил! Сперва спросил, учусь ли я в школе!

В открытые двери музыкального салона было видно, что возле ресторана со шведским столом выстроилась толпа. Большая часть народу переоделась в костюмы и вечерние платья, несколько мужчин были даже при бабочках.

– А мы как кошёлки в джинсах, – застеснялась Валя.

– У них встреча с прекрасным, а у нас – жрачка. – Вика пантерой бросилась на освободившийся столик в фойе возле бара.

К сожалению, столик был для курящих – с пепельницей. В зал ресторана начали впускать, и разодетая публика, пробегая мимо столика, делала последнюю затяжку, выдыхала её чуть не в лицо Вале с Викой, бычарила сигарету в пепельнице и уносила с собой.

– Может, они тут бычки собирают? – удивилась Вика.

Помещение ресторана оказалось огромным, а составленные в центре буквой «О» столы ломились от еды.

– Фигасе!!! – обомлела Вика.

Валя тоже никогда не видела такого количества и разнообразия еды в одном месте. Официанты разносили на подносах напитки, повара в колпаках терзали тесаками огромные куски дымящегося мяса, морские деликатесы высились нанизанными на шампуры, украшенная овощами дичь осанисто восседала на блюдах, благоухали сотни плоских салатами, колбасы и сыры были сложены в диковинные пирамиды, а уж сладости и фрукты...

Всё это сияло, булькало, звало и манило на фоне окон, за которыми расцветал шторм, и оттого казалось театральной декорацией.

«Зачем столько еды? Этого же за неделю не съесть всем паромом! Послали б в Россию, а ещё лучше в Африку, где дети гибнут от голода», – пронеслось в Валиной голове.

«Горячей точкой» мегатрапезы оказались большие эмалированные лотки с икрой, и хорошие манеры в этой зоне боевых действий практически не использовались. Публика молча и сосредоточенно дралась, примерно как российские хозяйки дрались в застой за кусок «выброшенного» на прилавки дефицитного мяса.

Подобной мизансцены с участием европейцев Валя себе не представляла. По московским улицам они бродили со снисходительным выражением лица, на улицах Хельсинки и Стокгольма вели себя сыто и дисциплинированно.

– Держи места. Я – за горячим, пусть подавятся своей икрой! – усадила её Вика за пустой столик и ринулась за добычей.

К Вале, вежливо кивнув, подсел худенький юноша, на тарелке которого сиротливо лежали ростбиф и элегантные горки салатиков. И когда Вика вернулась с двумя тарелками, заваленными горами еды, Вале стало неудобно.

– Представляю, что этот парень о нас думает, – шепнула она Вике.

– У него небось родители миллионеры.

Еда была вкусная, не всегда понятная, а Вика зорко отслеживала бойню вокруг икры. Тем временем худенький юноша опустошил тарелку и пришёл с новой, где лежали точно такой же ростбиф и точно такие же горки салатиков. Люди вокруг уплетали так, словно голодали десятилетиями. Некоторые чопорно заложили салфетки за ворот. В окнах стемнело, море слилось с небом, стало казаться, что паром опустился на дно, а шведский стол накрыт в подводной лодке.

Штормило и качало так, что идущие с тарелками, весело вскрикивая, роняли еду на пол. Выждав момент, Вика бросилась в гущу борьбы за икрой и вернулась с тарелкой, половину которой занимала гора красной икры, половину – гора чёрной.

– Шведы мне там чуть рёбра не переломали!

– Вик, куда столько?

– Попробуй. Мелкая какая-то. И на вкус фуфло, – пожаловалась Вика, хлебая икру столовой ложкой. – Типа искусственная.

Тем временем худенький юноша вернулся с новыми ростбифом и салатиками и без интереса посмотрел на тарелку с икрой. Подошёл официант. Вика спросила его о чём-то по-английски, он длинно ответил.

– Прикинь, я ему, икра у вас – говно, вот у нас в России... А он, русские – богатые, едят икру из ценных пород рыб. А мы, шведы, едим икру малоценных пород, – процитировала Вика официанта. – Остальное я бэзандестенд.

Худенький юноша пошёл уже за четвёртой тарелкой. В толпе мелькнул один из старичков, клеившихся в музыкальном салоне, – мордатый и обтянутый спортивным костюмом. Увидев Валу с Викой, он чуть не выронил тарелку, набитую пирожными, и рванул в другой конец зала. «Точно диабетик, – с жалостью подумала Валя, – нажрётся сладкого без присмотра жены, а

ночью будет бегать по потолку. Есть ли тут врачи? Каких ему ещё проституток? Не отдал бы концы после этих пирожных!»

Люди за соседними столами жевали уже тяжело дыша. Делали паузы. Попивали кофе с десертами и снова шли за мясом и салатами.

«Всё как у нас, – подумала Валя, – а ведь не голодали столько лет».

Тут, конечно, позвонила мать:

– У нас тут, доча, драка со стрельбой! У метро чёрные с пистолетами. Делили что-то! Одного навроде убили, одного ранили – милиции понаехало!

– Не ходи туда, пожалуйста.

– Викуську-то хоть кормишь?..

– Кормлю. Пока, ма!

– Ты въехала, что та рыба не в соусе, а в зелёном мармеладе?! Извращенцы! – продолжала гастрономическую суету Вика. – Написано, еду не выносить. Тут, блин, без спецподготовки и не вынесешь. Надо было банку с крышкой взять, забить хавчиком, чтоб до Москвы жрать! А я только горчицы и кетчупа в пакетиках натаскала, в отеле не такие.

– Натаскала? Слово из твоего старого репертуара. Давно ты так не говорила.

– Да я здесь вся какая-то дурная, всё искрит, внутри адский движняк, – призналась Вика. – Хельсинки – типа прозрачный, а этот пышный, но катастрофичный.

У неё и вправду в этой поездке температурно горели глаза, и вела она себя словно стала на несколько лет моложе. Такой, какой была при знакомстве. Валя не понимала причины и видела, что Вика и сама её не понимает.

– Зачем тебе кетчуп с горчицей?

– Ты не догоняешь! Когда в наших сосисочных поставили краны с горчицей и кетчупом, панки и нарки ходили со стаканчиком и батоном хлеба. Целый день были сыты.

– Легко представила себе Свена, дерущимся за икру при всём его богатстве, – заметила Валя и подумала, что, живя здесь, мучилась бы, как Соня в Финляндии.

Худенький юноша наконец пришёл с чашкой кофе и десертом. Валя с Викой последовали его примеру, но и тут была засада, глаза разбегались – хотелось попробовать все десерты.

Вышли из ресторана, когда начали притушивать свет. Снова зашли в музыкальный салон, где теперь играл ансамбль, а пожилые пары неумело танцевали танго.

– Представь нашу бабку на танцах, – сказала Вика.

– Небось раз в жизни и была.

– А эти-то коровы чем её лучше?

– Тем, что у них не было ни войны, ни Ленина со Сталиным...

К ним за столик внезапно спланировал выпивший мужик:

– Наше вам с кисточкой, Валентина! Я – Стёпа, ваш бескрайний поклонник!

Дома Валя выстроила бы дистанцию, но за границей собеседников не выбирают:

– Турист?

– Тачечный турист. Нас тут много. Трюм тачками забит.

– Скажите, Стёпа, шведы меня всё время спрашивали про русских проституток, а я ни одной не вижу.

– На пароммах только шведские и финские, наших они отсюда выбили. А сами без души, суки, работают, воруют... Сюда плыл, одна сотовый спёрла. Жена звонит, а ей иностранная бабелёк на своем языке лопочет. Жена думала, меня пришили!

– Нам сказали, это «пьяный рейс». Как понимать?

– Алкоголь таксфришный, каюты внизу копейки стоят. Мужики ихние едут типа в Хельсинки по делам, а сами в загул. К ночи всё начнётся, уж вы поосторожней. Жене моей на салфетке автограф напишите, ну, что муж у неё по-любому в шляпе и при шпаге!

Валя с Викой спустились на этаж ниже, мужское население в фойе было уже пьяным в дрова, и тут откуда ни возмись появились толпы полураздетых девиц. Видимо, они и прежде были на пароме, просто в принятый час вышли на работу «в форме».

– Закалённые. Гляди, как заголились, – заметила Вика.

– Идём в каюту, а то нарвёмся, – потащила её за руку Валя.

Семьи с детьми уже легли спать, пожилые дамы слушали в музыкальном салоне романсы или играли в казино, а остальные пассажиры и пассажирки перешли на поисковые диалоги глазами.

Спать легли пораньше. Штормило, и махину парома сладко покачивало. Воздух и запахи сводили Валью с ума и в Швеции, и в Финляндии, словно какая-то её часть помнила, что уже была где-то здесь.

Лев Андронович объяснял, что регрессионная терапия, помимо психотерапевтического эффекта, обрушивает на человека «дежавю», подсказывая что-то в связи со страной, которая необъяснимым образом кажется знакомой, словно ходил по этим улицам, слушал эту музыку, ел эту еду, носил эту одежду...

Шведы на улицах, как и финны в Хельсинки, казались Вале близкими своей интровертностью, сдержанностью, минималистской эстетикой. При этом были словно вырубленными из камня без тонкой отделки и выглядели роботообразными даже в драке за икру.

И, провалившись в сон, Валя увидела, как мама-Соня, носящая в регрессии имя Окку, ведёт её, маленькую, по лесу, рассказывая, что у дерева есть душа. И она отомстит тому, кто рубит его без заговора. Потому у срубаемого дерева просят прощения, а брёвна везут в деревню комлем вперёд, как убитого человека.

Сорок дней их можно только очищать от коры, сорок дней они плачут о своей смерти. Сруб выстаивается год, прежде чем делают дом, ведь душа дерева последний раз является к людям на годовщину смерти. И маленькая Валя, точнее маленькая Васи, слушает и запоминает это на всю жизнь.

Потом приснился сегодняшний шведский стол с толпами едоков. А в углу зала сидела бабушка Поля в белом платке и чистила старым кривым ножом картошку. Перед ней стояли две щербатые миски: одна с колодезной водой для чищенных клубней, другая для аккуратных лент кожуры.

– Зачем чистишь? – спросила Валя. – Вон сколько еды!

– Ихнего не ем, – покачала головой бабушка. – Кожуру стригу гусям на мешанку...

«Мешанкой» назывался зимний корм для гусей: мелко порезанные и заваренные кипятком сено, крапива, хвоя, овощи, крупа и толчёные речные ракушки.

– Соня трубку не берёт, – пожаловалась Валя.

– Так бросила ж тебя...

– Она меня в прошлой жизни бросила, колдуньям так положено, – заступилась Валя за Соню.

– В этой из-за молдавана бросила, за то слёзочками и умылась. Теперь из-за богатой жизни тебя бросила... Коли понадобится, найдёт!

Это было правдой, и потому особенно обидно звучало из уст бабушки.

– Просто меня к ней ревнуешь.

– Ещё чего придумала, – усмехнулась бабушка. – Ты б, Вальюшка, за девчонкой своей лучше смотрела!

Валя обернулась и увидела, что Вика мечется возле шведского стола, а за ней бегут старички, что подбивали клинья в музыкальном салоне. Вика уворачивается от их рук и опрокидывает на них очередную порцию фуршетной еды.

По одежде, лицам и волосам старичков уже прошлись разноцветные мазки крема от пирожных, жирные кляксы паштетов, бляшки мяса, брызги подливок и кусочки салатов. В

шкиперской бородке морщинистого застряли зелёные кудри петрушки, а спортивный костюм мордатого весь в томатных пятнах.

Валя бежит на помощь Вике, но в зал врываются полицейские красотки на лошадях, которых показывала на улице Эльза Сегель. Лошадь соломенной блондинки эффектно перемахивает через стол, полицейская умело хватает Вику за волосы, а та истошно вопит.

Красавица-азиатка ловко спешивается возле Вали и защёлкивает на её запястьях наручники. А лошадь в это время вытягивает морду к столу и слизывает большим розовым языком с подноса пласты селёдки.

Валя оглядывается в угол зала, где сидела бабушка, но той и след простыл. А полицейская кричит на чистом русском:

– У вас нет визы, следуйте в тюрьму!

Валя проснулась в холодном поту. Сердце готово было выскочить из груди. Паром нежно покачивало, а Вика мирно сопела на верхней полке каюты.

Встали, когда паром пришвартовался в Хельсинки. Позавтракали бутербродами, стыренными в гостинице, и пока добирались до выхода, видели, что уйма народу вовсе не собирается на берег, а сидит за игровыми автоматами и дьюти-фришным алкоголем.

На вопрос о ближайшем обменнике сотрудник парома неопределённо махнул рукой. Побрели по направлению взмаха его руки мимо неприветливых тёмно-красных кирпичных зданий, тянувшихся на фоне серого неба.

В одном из них был обменник, но он открывался позже. Дорога от причала шла в гору, дождь не утихал, зонт надувался парусом, а ветер выламывал ему спицы. Попрытались и замолкли даже наглые прибрежные чайки.

– Заграница, блин! Паром тормозит в десять, а обменник с двенадцати! На шведские кроны даже билет в автобус не продадут! – бурчала Вика.

– Помнишь Сонину улицу?

– Дом узнаю, а их названия хрен запомнишь.

Наконец на горизонте появилась знакомая православная церковь, за ней белокаменный собор.

– Сенатская площадь! – закричала Вика. – Чешем по трамвайной линии, куда-нибудь придём.

Нашли открытый обменник, перед которым стояла урна, набитая зонтами с выломанными спицами, но Соня по-прежнему не брала трубку. Валино настроение портилось с каждой минутой, предпростудно заныла голова. Дошли до железнодорожного вокзала, с которого начался их первый визит в Хельсинки.

– Экскурсию по любимым местам? – подмигнула Вика.

– Лучше чаю горячего!

У вокзала обнаружили забегаловку с чаем и толстыми финскими блинами «паннукакку», потому что к ним полагалось блюдо мёда.

– Рванем по Маннергейму? – предложила Вика.

– Кажется, мы обе заболеваем, и у меня ни трав, ни сил. А завтрашняя встреча в поездке главная.

Без Сони и Юкки Хельсинки был им совсем не рад, лупил дождём, выгалкивал холодным ветром. Да и сам выглядел тускло, как говорила Вика, «угашенно». И без того суровые, заторможенные финны шли мимо окна кофейни, ссутулившись.

– Спалили двести баксов, чтоб зырить на пьяных шведов и жрать паннукакку? Она, по сравнению с бабкиными блинами, как асфальт, – насупилась Вика.

– А море? А шхеры? И, кстати, это была твоя идея.

– Хотела Соньку с Юккой приколоть. Мы к вам заехали на час, привет, бонжур, хелоу! А ну скорей любите нас, вам дико повезло! – проорала Вика, и проходящая мимо официантка кинула осуждающий взгляд.

– Может, уехали отдохнуть? Но Соня про это заранее рассказывает.

– Чё ты кошки-мышки устраиваешь? В крезухе она! Опять забуксовала, только тебе стрёмно это озвучить...

Валя снова достала сотовый, снова набрала два хельсинских сотовых и один домашний, и ей снова не ответили ни Соня, ни Юкка.

Зато позвонила мать:

– Что хорошего, доча, купили?

– Ма, не звони так часто. Батарейка в сотовом сядет, а тут их не заряжают, – соврала Валя, было неудобно, что Горяеву придёт огромный счёт. – Звони, если что случилось.

– Сколько я твоей батарейки-то извела? Самую малость! – обиделась мать и бросила трубку.

– Видишь, Вик, город, где тебя не ждут, становится совсем другим, чем тот же город, где тебя ждут, – философски заметила Валя.

– Давай хоть до голых кузнецов дотащимся. От вокзала два шага.

Памятник «Три кузнеца» стоял неподалёку, но голые красавцы с молотами ещё больше подчеркнули никомуненужность Вали и Вики в Хельсинки. В прошлый приезд brutальные чугунные тела сияли на солнце, а Валя с Викой и Соней, сев на ступеньки постамента, ждали, когда Юкка припаркует машину и принесёт мороженое.

Юкка купил свои любимые рожки с ванилью и шоколадом, а Соня назвала их старомодными, добавив, что финны теперь едят мороженое с лакрицей, чесноком и дёгтем.

Рассказала, что чугунные кузнецы из легенды о местной колдунье, обещавшей выдать дочь за того, кто выкует для неё счастье. Три кузнеца, соревнуясь, стали его выковывать, но до сих пор не преуспели.

– Мы имеем шутку, – дополнил Юкка, – если мимо «Три кузнеца» идёт красивая девушка – их молоты пойдут вниз...

– ...а члены – вверх, – закончила фразу Соня.

Вале тогда подумалось, что колдунья из легенды больше заботилась о своей дочери, чем Соня о Вале, когда они были колдуньями-карелками. Хотя, с другой стороны, если выдавала дочь замуж, значит, не передала ей своё ремесло. Желала ей простой счастливой жизни.

Ливень разошёлся так, что прохожие уже не шли, а бежали к ближайшей крыше. Валя с Викой тоже побежали под измочаленным зонтом в сторону причала. Дорога была хоть и под горку, но не близкая. Трамвайные рельсы вели их между помрачневшими от сырости домами, а в спину впивались стеклянные стрелы дождя.

– Финские марки сольём в дьюти-фри, – крикнула на бегу Вика. – Железное бабло банки в обратку не меняют!

«Какое бабло, какой дью-фри? – думала Валя. – Дай бог завтра встать без температуры! Да ещё номер в гостинице только с двенадцати! Зачем послушалась Вику, поплыв в Хельсинки? Хотя, конечно, шхеры того стоят...»

– Ни слова по-русски, когда буду показывать обратные билеты, – крикнула она на бегу Вике. – Только вау, окей и прочий мусор!

Но вид у них был настолько мокрый и жалкий, что проверяющий билеты затолкал их с трапа под крышу без всяких «вау». Одежду в каюте пришлось выжимать, сухой была только смена белья в рюкзаке.

Переодевшись в неё, долго сушили промокшее феном. С футболками кое-как справились, но джинсы, свитера и кроссовки категорически не сохли. Надели влажное, запаковали ноги во вчерашний «компресс» и отправились в дьюти-фри.

Штормило всё сильнее, и с магазинных полок сыпались на пол кассеты с фильмами и коробки с конфетами. Купили на металлические финские марки и пенни батон колбасы, пачку сока, бутылку водки и горсть шоколадок.

– Видела салат-бар за пять баксов? Прикинь, гребу за них полную миску жарчки и хлеба, а тебе – чистую тарелку. Один подход к столу, по-любому ничё не нарушили! – оживилась Вика.

– У нас достаточно денег.

– Нефиг поддерживать чужую экономику. Ещё и хлеба надо для бутеров на завтрак. Сделаем бутеры с колбасой, сразу заценишь стыренную на шведском столе горчицу.

– Колбасу будем от батона кусать?

– Ножик – ваще не вопрос.

В салат-баре разметали Викину добычу на две тарелки, тем более за соседним столиком ровно так же вела себя шведская семья. Родители навалили на свои тарелки горы еды и деловито отсыпали её в тарелки детей. Вика после этого демонстративно набрала в пакет хлеба.

Чтоб согреться, взяли огненного кофе, и тут к столику подошёл высокий поджарый блондин. Валя приняла его за финна, но он обратился по-русски:

– Простите, если не ошибаюсь, Валентина Лебедева?

– Не ошибаетесь, – кивнула Валя, хотя влажные джинсы и свитер не располагали к диалогу.

– Позволю себе присесть на минуту?

– Присядьте. – Он вёл себя безукоризненно, отказать было неудобно.

– Меня зовут Робертс, живу в Швеции, сам из Латвии. Видел передачу «Берёзовая роща», когда навещал родных. Восхищён вами!

– Спасибо! Давно вы в Швеции?

– С перестройки. Окончил мореходку, а здесь популярен яхтенный спорт, и я востребован, – обаятельно улыбнулся он.

– У вас типа яхта? – встряла Вика. – Прокатите?

– В такой шторм на яхте опасно, – покачал он головой. – А завтра, к сожалению, лечу в Данию.

– А у меня никогда не будет яхты, – шмыгнула носом Вика. – Даже если продам обе почки!

– Яхта – это тяжёлая работа. Удобней иметь друзей с яхтой, чем обслуживать её самому. Вы приехали отдохнуть?

– По работе, – ответила Валя. – Комфортно вам в Швеции?

– Я – гражданин мира, живу там, где могу реализовать свой потенциал.

– Впервые видела здесь яхты с цветными парусами, – заметила Валя.

– Паруса делают из окрашенной ткани или прочной плёнки. Парус, по сути, крыло и должен выдерживать любые нагрузки. – У Робертса был профиль морского волка и очень мягкая манера говорить.

– Крыло? – заинтересовалась Вика.

– У крыла и паруса единый принцип работы. Сила крыла летательного аппарата, используя встречный ветер, толкает вверх, а вертикально расположенный парус гонит яхту вперёд.

Объясняя, Робертс жестикулировал, и Валя, не преуспевшая в физике, больше любовалась его породистыми руками, чем понимала смысл. Представила, как развеваются на ветру его длинные светлые волосы, как горят глаза, а сильные руки сжимают штурвал яхты.

Вспомнила слова Горяева: «Знаешь, какой азарт натягивать вместе с капитаном парус? Там, как на выборах, важнее всего угол установки паруса к ветру!»

И смутилась, потому что впервые с начала отношений с Горяевым восхищённо смотрела на другого мужчину.

– Вижу, любите свою работу, – сказала Валя.

– Шведы знают толк в морской стихии, и умелый яхтсмен для них бог.

– А на фиг на верхней палубе четырёхугольник с мелкими камушками? – спросила Вика.

– Некоторые берут с собой собак.

– Чтоб собачки посрали?! – глаза у Вики полезли на лоб.

Робертс смутился, Валя пнула Вику под столом ногой, хотя и у самой в голове не помещался подобный уровень сервиса.

– Мы вымокли под дождём, нам пора, – подвела Валя черту, потому что Робертс смотрел на неё так, что следующей фразой предложил бы поужинать.

– Было очень приятно познакомиться. – Он встал из-за столика и поклонился в чуточку театральной манере.

– Чё ты его не склеила? Рассекали бы на яхте, – огорчилась Вика.

В каюте развесили вещи, Валя налила в стакан водки, разбавила пополам водой, намочила полотенце и обтёрла Вику, как учила бабушка, миную область сердца и пах. Потом обтёрлась разбавленной водкой сама.

Вика мгновенно уснула, Валя долго ворочалась, а потом увидела во сне, как этот Робертс управляет пёстрым крылом паруса. А рядом, в салюте морских брызг, сидит восхищённо глядящая на него женщина. И этой женщиной вполне может быть она...

И пусть Виктор рассекает на яхтах со своей избалованной женой. После слов, что с женой тоже есть секс, хотя «он про другое», внутри Вали распухла и распухла обида, готовая конвертироваться в месть.

Она проснулась, когда теплоход стоял без всякой качки, а часы показывали половину одиннадцатого. Затеребила Вику:

– Нас сейчас выгонят!

– Просто не откроем. Продержимся до полдвенадцатого, а там и кабак.

В каюте было тепло, одежда и обувь высохли. Валя с Викторой принимали душ, подкрашивались. Завтракали бутербродами с колбасой, нарезанной захваченным Викторой в салат-баре ножом и приправленной захваченной на шведском столе горчицей. Никто не собирался их выгонять.

Когда вышли из каюты, в коридорах не было ни души, а в салоне возле трапа пассажиры курили и пили кофе из автоматов. Сновали уборщики с огромными пылесосами, и пожилая пара, громко ругаясь по-английски, привязывала к тележке блоки алкоголя, приобретённого в дьюти-фри.

– В автомате кофе дешевле, чем в кафе, – подчеркнула Вика и вздрогнула. – Гляди!

Прямо на них двигался тот самый вчерашний Робертс, толкая перед собой здоровенный пылесос. Увидев Валу, он страшно смутился, отвернулся и прошествовал мимо.

– Думала, только наши эмигранты всё врут. – Валя была поражена. – Но он зачем врал мне? Кто я ему?

– А кому ещё ему врать? Шведам? Для них он ваще муравей.

Выпили кофе из пластмассовых стаканчиков. Хотелось забежать в гостиницу, переодеться перед важной встречей в свежую одежду, но там их не ждали.

Так что в двенадцать стояли перед рестораном, отмеченным галочкой на карте. В футболках и джинсах, переживших стокгольмский ливень, хельсинкский ливень и каютный фен.

С рюкзаками, в которых, кроме свитеров, косметичек, недоеденного батона колбасы и хлеба, булькала початая бутылка водки. Раз уж шведы лишили их номера, пусть принимают такими, как есть.

Опоздав на пятнадцать минут, подошёл неопрятный лохматый дядька в растянутом свитере и представился переводчиком Андерсом, заменяющим Эльзу.

Он, как и Эльза, говорил практически без акцента и объявил, что ресторан сочетает панорамный вид с высокой кухней и считается одним из самых престижных в городе. Поднялись на лифте, администраторша провела за самый удобный столик возле стеклянной стены. Ресторан надвисал над Стокгольмом, и центр, обрамлённый сияющей на солнце водой, лежал перед ними во всём своём холёном и холодном великолепии.

Впечатление портил болтливый Андерс, рассказавший, что считает себя главным славистом страны, и тут же пожаловавшийся на вывезенных из России через агентство русских жён, ставших конкурентками на рынке перевода.

– Плавали к пьяным чухонцам? – грубовато сострил Андерс.

– Вы про финнов?

– Русские зовут карело-финнов чухонцами. «По мшистым, топким берегам / Чернели избы здесь и там, / Приют убогого чухонца...»

Валя не знала, что это строки Пушкина, но в памяти вспыхнул пейзаж с почерневшим домом, где она в прошлой жизни была счастливой девочкой Васи у любящей матери Окку.

– Даль писал: «Сначала чухонец требует выпивку, потом выпивка требует выпивки, потом выпивка требует чухонца!» – не унимался Андерс.

– С кем мы обедаем? – раздражённо оборвала его Валя.

– С директором и с главным режиссёром нашего главного телеканала, – ответил Андерс. – Что понравилось в круизе вашей дочери?

– Я в отпаде от шведов, дерущихся за жрачку и хватающих шведских проституток! – откликнулась Вика.

– Это были финны, – поправил Андерс.

– А ничё, что они говорили по-шведски и представлялись шведами? – усмехнулась Вика и полезла за фотоаппаратом. – Шведский педофил лет под сто клеил меня прямо при матери! Показать фотку? Я продам её русским газетам!

– Кажется, они идут, – кивнул Андерс в сторону входа, чтобы закрыть тему.

Появились два породистых мужчины лет пятидесяти, подали визитки, церемонно представились. Оба показались Вале похожими на Свена. К столику тут же подошёл мужчина в ослепительно-белом пиджаке и пожал Вале руку.

– Это хозяин ресторана, – пояснил Андерс. – Ему приятно видеть у себя русскую телезвезду.

Вслед за хозяином ресторана нарисовалась девушка в замурзанной белой жилетке и буквально приклеилась к их столу.

– Я сделаю заказ, – сказал Андерс Вале, поговорив с директором и главным режиссёром.

Он что-то продиктовал девушке в замурзанной жилетке и стал переводить Вале вопросы важных телевизионщиков. Но они спрашивали какую-то ерунду. Как понравился Стокгольм? Что видели в Хельсинки? Как поживает Ельцин?

Валя поняла, что это протокольная прелюдия. Вскоре девушка в замызганной жилетке принесла грибной суп. И то, как его несла, подсказывало, каким образом замызгалась её жилетка. Суп показался пересоленным, но все его честно хлебали.

После супа каждому был подан красивый глиняный горшок, из которого свешивалась верхняя половина варёного рака, а нижняя утопала в горячей томатной жиже.

– У меня аллергия на раков, – испугалась Валя.

Конечно, она ловила в деревенской реке с девчонками раков, но не знала, какими приспособлениями едят их здесь.

– Шведы любят раков. Подарите рака директору канала, – предложил Андерс, сунул свою лапищу в Валин горшок, вытащил рака за ус и шлёпнул в горшок директора канала.

Из горшка хлюпнули томатные брызги, и директор улыбнулся тонкими губами. Видимо, для Швеции это было нормально.

Вика с удовольствием грызла рака, а Валя копала в горшке вилкой. Содержимое напоминало подогретый томатный сок, в котором слонялись мидии и кусочки варёной рыбы.

– Здесь прекрасная кухня и прекрасное обслуживание, – причмокнул Андерс.

– Полный отстой! Тарелка от супа до сих пор не убрана, – откликнулась Вика. – У нас за такое пинком под зад!

– Тарелки – не проблема. Профсоюз защищает труд официантов, шведский официант – работник, а не прислуга, – гордо подчеркнул Андерс.

– Что именно защищает профсоюз? Её грязную жилетку? – возмутилась Валя, Андерс её бесил.

– Люди из России не могут нас критиковать. Мы видим по телевидению вашу безработицу, бандитизм, бездомных, проституцию. А Швеция – самая удобная для жизни страна мира, – говоря это, Андерс выпучил глаза, как только что съеденный им рак.

– У нашего четырёхзвёздочного отеля тоже сидят бомжи с панками, – встрепелась Вика. – Могу познакомить и с четырёхзвёздочной крысой из нашего отеля! Я её сфоткала.

Директор канала и режиссёр не испытывали ни малейшего интереса к происходящей рядом дискуссии на русском и переговаривались по-шведски.

– А ещё у нас переводчиков нанимают переводить, а не митинговать за свою зарплату, – поставила Вика Андерса на место.

– Но переводить нечего, их не интересует Россия, – сбавив тон, пояснил Андерс.

И тут директор канала показал на часы и обратился к Вале, а Андерс перевёл:

– К сожалению, мы спешим на другую встречу. Мне известно, что вы ведёте передачу о природе России. Но всё равно хочу узнать ваше мнение о выборах президента. Россия снова станет красной?

От этого вопроса Валя и сама покраснела от негодования:

– Название моей передачи – символ. Я провела за время избирательной кампании много эфиров с политическими экспертами, представителями партий и доверенными лицами президента!

Андерс перевёл, и директор канала с удивлением уставился на Валу:

– Извините, мне дали неточную информацию о вас. Так что вы думаете о шансах Ельцина?

– Уверена, что он победит. Никто в России больше не хочет жить в тюрьме. Пять лет свободы – достаточное время, чтобы почувствовать себя новым народом, – ответила Валя.

Андерс перевёл, и тут директор телеканала кивнул режиссёру, чтобы тот шёл на встречу сам, заказал на всех кофе с десертами и стал задавать вопросы. Потом ещё раз заказал кофе с десертами, и ещё раз.

И всё задавал и задавал вопросы о происходящем в России. Вале казалось, что объясняет ему понятное ребёнку, но он слушал, словно она раскрывает государственные тайны. Андерс прекратил тянуть одеяло на себя и старательно переводил.

– Почти все наши представления о выборах из американских информационных агентств, – признался директор телеканала. – Конечно, мы делаем новостные сюжеты о России, но наши эксперты не всегда понимают, что у вас происходит.

– Какие сюжеты вы можете делать о России, если три журналиста ваших ведущих журналов спрашивали меня в основном о русской проституции? – спросила Валя, не церемонясь.

– Но в вашем парламенте говорят о легализации проституции, – перевёл Андерс. – А в Швеции запрет проституции – горячая тема политической повестки.

– Швеция – демократическая страна, зачем ей контролировать постель взрослых людей? – не поняла Валя.

– Швеция против эксплуатации женщин для секс-услуг! – перевёл Андерс.

– Почему именно женщин? Я была в московском стриптиз-клубе, там работают мужчины, которых можно пригласить к себе за деньги. Они добровольно выбрали такую работу, – ответила Валя. – Думаю, и у вас есть такие клубы.

– Я тоже против того, чтобы государство лезло в постель налогоплательщиков, – признался директор канала в переводе Андерса. – Но наказание за проституцию активно лоббируют две партии, имеющие высокое количество женщин. При этом сами шведки ездят в страны женского сексуального туризма, покупают там за деньги молодых мужчин и не скрывают этого.

– Андерс, спросите, чего он ожидал от встречи со мной? – попросила Валя.

– Мы ведём переговоры с американским филиалом Ады Рудольф по созданию совместного новостного телеканала. Жаль, что она попала в больницу перед этой поездкой. Но я очень рад, что, приехав вместо неё, вы рассказали столько нового. Надеюсь, Аде Рудольф уже лучше?

– Ей уже лучше, – кивнула Валя, сдерживая улыбку, а Вика фыркнула в поедаемый яичный торт-пирамиду.

– Наш разговор дал новый объём понимания, но мы опасаемся вкладывать деньги до результата выборов. Я искренне признателен за эту встречу и всегда рад видеть вас в Швеции!

Он пожал руку Вале, Вике, Андерсу и бегом побежал на другую встречу.

– Машина отвезёт вас в культурный центр, там два журналиста и два фотографа из наших газет, – предупредил Андерс.

По мере Валиного разговора с директором телеканала он становился всё почтительней и почтительней.

– Больше никаких журналистов и фотографов. Желаящие придут на мой вечер в артистическом клубе, – огрызнулась Валя. – И передайте руководству, чтоб нам вернули Эльзу.

Андерс обиженно пожал плечами под растянутым свитером и проводил их до машины.

– Упырь! И бабы ему дают только через агентство, – подытожила Вика. – Зато я десертов обожралась, самый крутой здесь – зелёный фисташковый торт.

В отеле они заселились в тот же номер, переоделись, решили немного отдохнуть. Вика пощёлкала пультом телевизора и остановилась на порноканале:

– Фигасе! Ща они её будут дрючить прямо в этом абажуре!

Немолодая дама в карикатурно объёмном кринолине была поглощена прелюдией к сексу с двумя голыми чёрными парнями. При этом один пристраивался к верхней части её пышного тела, а другой кромсал ножницами ткань и терзал кусачками перекладины кринолина.

Валя ни разу в жизни не видела порнографии и почти заорала от испуга:

– Переключи немедленно! Борются с проституцией, а сами такое показывают!

– Ты чё так орёшь? Порнухи не видела? – усмехнулась Вика. – Да выключу, выключу, поберегу твою девственность!

Вечером они до полного изнеможения гуляли по Старому городу, а потом уселись в баре возле Нобелевского музея. Бар был в стиле древней аптеки, а официанты долго не обращали на них внимания.

Потом к столику двинулся высоченный, под потолок, неуклюжий лохматый парень. Подал двумя пальцами меню так, что оно выскользнуло и шлёпнулось на столешницу.

– Руки-крюки! – шикнула на него Вика.

– Крюгер! – повторил за ней нелепый парень единственное понятное ему слово и захохотал, обнажая крупные зубы.

– Инглиш давай, – швырнула ему обратно меню Вика.

– Ноу инглиш, – пожал официант здоровенными плечищами, кивнув на столики, разобравшие меню на английском.

Валя показала парню на соседний столик, где ели фрикадельки с брусничным вареньем, подняла два пальца и добавила:

– Дриньк!

Официант кивнул и ушёл своей неловкой походкой, с трудом не сбивая стулья в проходе между столиками.

– Тебя опять понесло, – укорила Валя.

– Не понесло, а накрыло! Колбасит меня в этой Швеции, только на пароме и в Хельсинки было ништячно, – призналась Вика. – Внутри какие-то двери открываются, стены раздвигаются, внизу человечки в старинном прикиде тусуют и гонят по мне электричество. Как приход без вмазки...

В это время неуклюжий официант подошел к компании за сдвинутыми столиками и брякнул на них аж восемь огромных пивных кружек, которые запросто донёс в своих огромных лапищах.

– Видела, столько кружек цепляет своими граблями?! Реальный Крюгер! – со странным возбуждением кивнула Вика на официанта. – Я его стараюсь.

– Крюгер – это кто? – не поняла Валя.

– Маньяк-убийца...

– Вик, что с тобой?

– Аж подташнивает, типа где-то его уже видела.

– Видела! – озарило Валу. – На первой сессии регрессионной терапии ты была таким же увальнем и таскала в шведской пивной по четыре кружки пива каждой рукой! Не помнишь?

– Не, ничё не помню... – помотала головой Вика. – Я тогда ваще как по чёрной трубе летела. Помню, как ты меня в ментовке взяла, как бабка стала откармливать, готовить моё любимое. Остальное в башке как миксером вздули. И чё там дальше было?

– Этот пьяный увальень толкнул шведского попа, спину ему сломал, и поп больше не смог ходить. А увальень заснул на дороге, и его переехала телега.

– И хрен с попом.

– Только тебе показалось, что этот поп – я.

– Фигасе! Ты была шведским попом, который покоцал финских шаманов и карельских колдуний? – возмутилась Вика.

– Я за твою регрессию не отвечаю, – улыбнулась Валя. – И официант за твою регрессию не отвечает, так что кончай на него кидаться.

Неуклюжий официант принёс два стакана напитка, Вика спросила по-английски, что это. Он объяснил на английском, и Вика перевела Вале:

– Их фирменное пойло «Лесное дно»! Почти что «Лесной источник»! Сказал, в нём всякий мусор типа грибов, ягод, коры. Не удивлюсь, если он мха с землёй нагрёб туда своими граблями!

А потом поблагодарила официанта по-шведски, демонстративно поморщившись:

– Так со мюкке, Крюгер!

И он снова захохотал, обнажив огромные зубы, потому что был молод и охоч пококетничать с хорошенькой иностранной девчонкой. И не было ему никакого дела до её погружений в прошлые жизни.

Утром спали на час дольше, объявление на двери ресторана уверяло, что в выходной день завтрак до одиннадцати. Но без пятнадцати одиннадцать дверь была заперта. Вика забарабанила по ней, высунулась официантка, сообщила, что завтрак до десяти.

Вика ткнула её носом в объявление. Та махнула рукой, сказала что-то вроде «это старое расписание» и закрыла дверь перед Викой так грамотно, что та не успела среагировать.

– Бардак! Буду жаловаться королю с королевой! – вопила Вика и безуспешно ломилась в дверь.

Завтракали в кондитерской горячим белым шоколадом с коричневыми булочками и гуляли, пока Эльза не повезла в знакомое здание Культурного центра на площади Сергельстронг с нагромождёнными стеклянными кубами под названием «Кристалл».

Эльза провела Валу на сцену, усадив Вику в зал, где зрители занимали столики, набрав с движущейся ленты тарелок с едой. Валя представилась, и Эльза перевела первый вопрос пожилой жующей дамы:

– Как вы, русские, относитесь к конкурсам красоты и стриптизу?

Валя ответила, что для России это пока непривычно. Потом женщина с волосами, крашенными фиолетовыми перьями, потребовала, чтобы Валя организовала экологический марш протеста против загазованности на Ленинградском проспекте, где живёт её русская подруга.

Затем градом посыпались вопросы, ответы на которые залом не дослушивались.

– Нравится ли вам легализация проституции? Зачем вы силой удерживаете Чечню? Почему вы притесняете гомосексуалов? Как прокомментируете, что русские отняли у шведов много земли и продолжают грозить ядерной бомбой? Есть ли в России феминистки?

Вскочил пожилой помятый мужчина и басом объявил на чистом русском:

– А вы кто? Я не понял... Вы – певица? Скучаю по России. Вы мне русским языком прямо сердце рвёте! Прошёлся бы сейчас в Ярославле от Волжской набережной по проспекту Ленина... Съел бы килечку в томате, халвы подсолнечной, ситник с маслицем, кефирчика... Здесь все продукты не родные!

И все «съедобные» слова он выговаривал как имена любимых женщин.

– Хочу вам сказать! – закричала с другой стороны старушка с крашенными в свекольный цвет волосами. – Я немножко замуж за русский казак! Он пил водка, танцевал калинка-малинка и бил мой лицо! Он был кароооооший!

После перехода на русский язык народ возмущённо загомонил, вопросы иссякли и некоторые стали покидать зал.

– Им неинтересно, давайте побыстрее закончим! – попросила Валя Эльзу.

– По программе мы должны работать ещё четырнадцать минут, – возразила Эльза, переводившая с совершенно отсутствующим лицом.

– Спросите, что думают о выборах президента России? – предложила Валя.

Но эта тема их ни капельки не волновала.

– Крезихаус, – вздохнула Вика, когда мероприятие закончилось. – Теперь в секонд-хенд, а то бабка нас уволит.

Увидев, что они скупили половину магазина, Эльза подчеркнула, что это очень выгодное вложение. А Валя подметила, что Вика выбирает кокетливую женственную одежду.

Эльза отвезла их к ратуше, где проходит нобелевский банкет, рассказала, что на банкетных салфетках и скатертях выткан портрет Нобеля. Сервиз стоит больше полутора миллионов долларов, в нём уйма посуды и одна специальная чашка для принцессы, которая не пьёт кофе, а пьёт только чай, хотя Швеция на третьем месте в мире по потреблению кофе.

И эта одинокая чашка немного сблизила Валу с холодными камнями города на 770 000 жителей, название которого переводилось как «остров, укрепленный сваями» и оправдывало его тесноту, выверенную с кладбищенской строгостью.

Ужинать отправились в ресторанчик национальной кухни, Эльза пообещала настоящую шведскую селёдку.

– Нашей традиционной селёдки можно поесть теперь только здесь, авиакомпании запрещают её вывозить, – сказала Эльза. – Она взрывается на борту.

И Валя с Викой решили, что это шведский юмор.

Немолодой официант принёс блюдо варёного картофеля, мисочку брусники, мисочку мелко порезанного красного лука, горшочек масла, тарелку с жареным ржаным хлебом и кувшин молока. Потом поставил на стол стеклянную вазу с водой и банку консервов.

По благоговейному выражению лица Эльзы было видно: всё идёт «по протоколу». Банка погрузилась в вазу с водой, затрещала от контакта с открывалкой, и запахло так, что Валя с трудом не выбежала из-за стола.

– Это сюрстрёмминг, – пояснила Эльза. – В воду кладут, чтоб не взорвалась!

– Она со взрывчаткой? – уточнила Вика, зажав нос.

– Когда шведы воевали с немцами и у них не было соли, нашим деликатесом стала квашеная селёдка, – объяснила Эльза. – Запах сейчас уйдёт.

– Она стухла, – скорчила рожу Вика.

– Не стухла, а скисла, как говорил мой русский муж, – поправила Эльза.

Немолодой официант любовно выложил селёдку на досочку, нарезал специальным ножом, намазал жареный ржаной хлеб маслом, разложил на него куски селёдки, сверху ломтики картошки, посыпал это красным луком и брусничкой. И разлил кувшин молока по стаканам.

Эльза с трудом дождалась окончания ритуала, впилась зубами в свой бутерброд, запила молоком и закрыла глаза от блаженства.

– Оружие массового поражения, – фыркнула Вика. – Мне это жрать стрёмно.

– Прошу вас попробовать! – настаивала Эльза.

Валя откусила из вежливости крохотный кусочек селёдки с бутерброда, он оказался сносным, хотя и кисловатым.

– Попробуй, главное, не нюхай, – посоветовала она Вике.

Но Вика не поддавалась и запивала молоком картошку с жареным хлебом, стряхивая с него деликатес.

– Завтра по программе приём в тюрьме на острове Лангхольмен, – напомнила Эльза. – Она переделана под отель.

– Опять тюрьма! – захихикала Вика.

– Шведы не боятся тюрем, как русские, в наших тюрьмах комфорт, – заметила Эльза, помахала официанту, крикнула странное название.

И он принёс куски незнакомой выпечки, рассыпающейся во рту, как сахарная вата.

– Спеттекака – свадебный торт-пирамида, его несколько часов выпекают на крутящемся вертеле, – засияла Эльза. – Я выполнила программу по национальной кухне – вы попробовали сюрстрёмминг и спеттекаку!

На следующий день она повезла Валю с Викой в ресторан бывшей тюрьмы на острове Лангхольмен, переделанной под отель. Дворик отеля огораживала непреодолимая стена из серых булыжников, но больше ничего «пенитенциарного» в заведении не осталось.

В ресторане было уютно и вкусно, правда, среди закусок подали солёные огурцы, которые сперва макали в мёд, а потом в сметану.

– Меня сейчас вырвет от этого зрелища, – зашептала Вика.

Принимавшие люди были уверены, что Валя – это Ада, и задавали через Эльзу вопросы про деньги. Оставалось только пожимать плечами и просить отправить вопросы по факсу.

На обратном пути Эльза спросила:

– Что больше всего вас поразило в Швеции?

– Здесь все пиплы под копирку! – влезла Вика.

– Шведам важны равновесие, сдержанность, порядок и равенство, это называется общим словом «лагом». Человеку нужно всего ровно столько, сколько нужно. Из-за этого кажется, что все мы похожи.

Они забрали из номера собранные накануне чемоданы, и Валя протянула Эльзе большой пакет с русскими сувенирами: водкой, шоколадом, матрёшками и павловопосадским платком. Но та отскочила, как от змеи, и сказала, что дорожит своей работой.

– Обидите, если не возьмёте! – стали уговаривать Валя с Викторией.

– Администратор увидит, что выхожу от вас с пакетом, и сообщит в мою компанию, – объяснила Эльза.

– Сами понесём его до машины! – хором заорали Валя с Викторией.

– Мой русский муж тоже не понимал, почему на работе нельзя подарки...

– Всё время вспоминаете его, – сказала Валя. – Мне кажется, вы были счастливы вместе.

– Мне нравится моя жизнь, моя работа, моя свобода. Я ценю это выше любви. Моя фамилия Сегел – она означает «парус»! Никогда не делюсь своей жизнью, не приглашаю домой, у нас это не принято, – смутилась Эльза. – Но с вами иначе. И я почувствовала, что тоже хочу иметь дочь. Пусть не такую взрослую, но именно дочь-подругу.

Валя с Викой переглянулись. Они умели говорить одними глазами и сейчас проговорили ими, что Эльзе не нужно знать, как они оказались вместе.

– Я позвонила психологу, который рассказывал про «лиану смерти», – сказала Эльза. – Он знает про терапию через «прошлые жизни», он даст мне адрес профессора из Амстердама. Я думала, вы шутите, но теперь поеду в Амстердам, чтоб понять свою историю с русским мужем.

– Лучше в Москву. Мы вам организуем регрессионную терапию.

– В Россию? – испуганно вскинула Эльза глаза. – Но ведь там так опасно!

И Валя с Викторией расхохотались на всё унылое шоссе, ведущее к аэропорту.

В полёте Валя оценила, насколько отдохнула от навалившегося после продажи квартиры в родном городке, от Ады, от внимания на улице. Ещё теснее ощутила необъяснимое родство со Скандинавией, хотя и споткнулась о то, от чего в Хельсинки страховала Соня.

Стокгольм был третьим в её жизни большим городом после Москвы и Хельсинки. Хельсинки казался нарисованным акварелью на стекле, а Стокгольм наваливался каменной глыбой.

Была в нём, как сказала бы Юлия Измайловна, «усталость материала». Он был какой-то стариковский. И люди словно вбитые в камень гвозди.

Мать загнала их с дороги за накрытый стол в кухне и озабоченно спросила:

– Ну, как там люди живут?

Было видно, что на самом деле хочет спросить «что привезли?». Валя с Викторией предложили ей открыть чемоданы и ели под восторженные охи и ахи, несущиеся из большой комнаты.

Мать влетела в кухню в напаянном на халат кардигане:

– На рынок завтра надену. Рукав-то не короткий?

– Это, бабуль, фасон такой, – успокоила Вика.

– А вот, доча, который после Юрика с тобой жил, в газете написал, мол, разглядел в массажистке звезду.

– Лошадин? – вздрогнула Валя; час от часу не легче. – Где газета?

– В папку ложу, чтоб Шарик не замаял! Мне всё про тебя в киоске оставляют!

Валя впиалась глазами в текст, Вика прижалась к её плечу, чтоб читать одновременно. Поседевший и отвратительно разжиревший Лошадин, известность которого закончилась в годы знакомства с Валею, улыбался с фотографии и бесстыдно врал.

«– Вы были женаты на Валентине Лебедевой?»

– Она работала массажисткой и, узнав, что я режиссёр, тут же ушла ко мне от мужа. Я первым увидел в ней звезду и готовил на главную роль в фильме «Весна в горах».

– Главную роль в этом фильме сыграла заслуженная артистка Надежда Куклина.

– Потому что Валентина изменила мне с артистом Лебедевым.

– За это вы сняли обоих с главных ролей в фильме «Весна в горах»?

– Бросив меня, она загубила карьеру в кино. Разве что снялась в эпизоде сказки, прославившейся благодаря рекламе воды. Я стал для неё такой же ступенькой в карьере, как и её первый муж. Потом она переиначила через Лебедева, охмурила министра Горяева, он сделал её личной массажисткой и просунул на телевидение.

– Вы не смотрите передачу «Берёзовая роща»?

– Нет. Валентина Лебедева – акула, в челюстях которой пропадают мужчины, стоящие всё выше и выше по карьерной лестнице. Режиссёры, артисты, министры, депутаты. Они,

как я, покупаются на её фальшивую чистоту и искренность, но вместо сердца у неё машинка для пересчитывания денег.

– Лебедева живёт с матерью и дочерью в хрущёвке.

– Эта квартира для встреч с журналистами, живёт она в шикарном загородном доме, который ей купил депутат Горяев из вороватого окружения Ельцина.

– Ваш рассказ огорчит наших читателей.

– Кто-то же должен рассказать всю правду о Валентине Лебедевой!»

Валя с Викой потрясённо переглянулись.

– Доча, это специально? Для рекламы? – спросила мать. – Как про пацанов, что трусы в ресторане сымали?

– Да, ма, специально, – выдавила из себя Валя.

– Женой назвал, – отметила мать. – Видать, заноза у него сердешная. Режиссёр. В самой Германии живёт.

– А мы втроем живём в загородном доме, который подарил Горяев? – накинулась на неё Валя.

– Так если напаскудил, пиши в редакцию письмо правды, что с брака сдёрнул, да не женился! – посоветовала мать и вернулась к неразобраным чемоданам.

– Зуб даю, этот старый шланг текста не видел, – предположила Вика. – Как твои интервью разбодяживают, так и за него нарисовали.

К обеду зазвонил сотовый, Валя увидела, что это Горяев, ушла говорить в материну комнату.

– Как Швеция? – спросил он.

– Нормально. Как выборы?

– Гарант гастролирует. Его инфаркт скрываем. Делаем историю страны без перекуров, пока вы путешествуете.

– Могу пойти листовки расклеить, – съязвила Валя.

– Твой Лошадин уже расклеил.

– Лошадин – скотина, хотя могли написать за него.

– Я ему когда-то денег не дал на кино. Вот он на интервью от зюгановских получил. Оно не про тебя, а про меня, как про окружение ЕБНа. Ты тут случайно оказалась с загородным домом, на который я пожидился. Думал, любишь меня бескорыстно.

– Я б не взяла...

– Никак это интервью не комментируй. Говори: «Лошадин? Слышала, но лично не знакома. Пожилой человек, запутался, когда и на ком был женат, могу показать паспорт...» Увидимся?

– Как от поездки очухаюсь. – Интервью с Лошадиным затмило шведские впечатления.

– И кстати, до конца выборов квартиру не покупаешь. Иначе на первых полосах будут её фотографии с заголовком «ельцинский прихвостень купил зазнобе гнёздышко».

– Чёрт бы вас всех побрал! – не сдержалась Валя.

– Издержки производства.

– Не буду издержкой твоего производства и куплю назло!

– До конца выборов денег не дам, – мягко предупредил он.

– Свет на тебе клином не сошёлся! Куплю без твоих денег! – заорала Валя и отключила сотовый.

В поездке она отдохнула каждой мышцей, каждой косточкой, каждым суставчиком и каждой ресничкой. Но первый день дома снова спихнул на грязную, бешено вертящуюся карусель, на которой не на что опереться, а все с интересом наблюдают, удержит она равновесие или свалится.

Так вот, плевать на прессу и Виктора, она не упустит квартиру своей мечты, а деньги займёт у Сони. Без всякой надежды набрала её сотовый, и вдруг подошёл Юкка.

– Привет! Почему не подходили к телефонам? Где Соня?

– Сони болеет нервами...

– Юкка, мы с Викой плавали на пароме к вам из Стокгольма! Ни разу не дозвонились! У неё опять депрессуха?

– Есть депрессуха. Умер её тетя Роза, тётя Хая остался один и заболел инсультом. Сын взял тётя Хая в Израиль, но она имеет страх горячий погода. Сын сказал Сони, что умер тётя Роза, когда сделал похороны. Сони не имеет телефон в больнице, а я купил новый номер для телефон. Может быть, Сони надо приехать немножко в Россию?

– Юкка, конечно, надо!

– Как поживает твой мазер и девочка? – Его голос стал теплее.

– Вика учится. У нас скоро выборы президента.

– Мы имеем страх соседей-коммунистов! Вы не должны сделать их президент!

Валя помнила сестёр Сониного отца: тётю Розу, тётю Хаю. Соня и без базовых потерь регулярно укладывалась в клинику, где отнимают сотовый, делают массаж, проводят аутотренинги и прочие радости, возвращающие вкус к жизни.

Какой же брызжущей жизнью Соня была дома в застой при проблемах и безденежье, всё вокруг неё ходило ходуном. И как помертвели её глаза в Финляндии.

Конечно, все проблемы человек возит с собой. Но дома его поддерживают родные, знакомые, родной язык, родные улицы, родной вкус и запах жизни, а в эмиграции он один на один со своим рюкзаком проблем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.